ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 32 (668)

Литературная газета

Вторник, 15 июня 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Цена 30 коп.

Нет пощады шпионам!

Банда военно-фашистских шпионов разгромлена и уничтожена. Восьмерка шпионов, предавших и продавших нашу социалистическую родину, находившихся на службе у военной фашистской разведки, расстреляна по приговору Верховного Суда Союза ССР.

Этот приговор единодушно одобряют и приветствуют миллионы советских граждан, в бесчисленных резолюциях и письмах выражая гнев советского народа и его презрение к наемникам иностранной разведки.

Смерть врагам народа! Истребить фашистско-шпионскую мразь! — такова воля всей великой Советской страны, выполненная Верховным Судом.

Точно такая же участь ожидает всех врагов трудового народа, всех изменников родине. Нет и не может быть пощады кровавым собакам фашистских разведок, пытающимся добиться расчленения Советской страны, восстановления в нашей стране власти помещиков и капиталистов. Нет места на советской земле подлецам, пытающимся подорвать мощь нашей Красной армии и подготовить ее поражение в будущей войне!

Гнусные шпионы, нагло обманывая советский народ, маскируясь под личиной преданности стране и партии, проводили злостное вредительство в народном хозяйстве, в деле обороны страны, выполняя волю своих фашистских хозяев, стремясь «подготовить почву» для кровавого разгула фашизма, для реставрации капитализма.

Они готовили убийства руководителей партии и правительства, продавали врагам Советского Союза военные тайны нашего государства, стремились сделать все необходимое для ускорения нападения внешнего врага на нашу родину.

«Они рассчитывали своими предательскими действиями, прямой изменой и вредительством в области технического и материального снабжения фронта и в деле руководства боевыми операциями, добиться в случае войны поражения Красной армии на фронтах и свержения советского правительства. Они ждали помощи от своих хозяев военно-фашистских кругов одного из иностранных государств и за эту помощь готовы были отдать советскую Украину, расчленить нашу страну на части». (Из приказа Народного Комиссара Обороны СССР).

Проклятые фашистские наймиты просчитались. Бдительность органов диктатуры рабочего класса раскрыла змеиное гнездо изменников и предателей, и тяжкий меч советского правосудия опустился на их преступные головы.

Агенты мирового фашизма — все эти гамарники, тухачевские, уборевичи, якиры — понесли заслуженную кару.

Рабоче-крестьянская Красная армия, очистив себя от этой скверны, стала еще более сильной и крепкой, еще более готовой к жестокому отпору всем врагам социалистической страны.

Пусть вопят фашистские заправилы о «слабости СССР», о «расстройстве в рядах Красной армии» и т. д. и т. п. Это — плач фашистских разведок о своих агентах, это — вопль ярости капиталистических хозяев, у которых отняты их верные слуги.

Каждый трудящийся нашей страны знает, что могуча и непобедима Красная армия, что несокрушима мощь и крепость Советской страны. Уничтожив кучку презренных негодяев, мы нанесли жестокий удар по фашистской агентуре, развеяли в прах еще один гнусный план, еще один кровавый замысел господ Геббельсов.

Каждый удар по лазутчикам капиталистического мира, засылаемым в нашу страну или вербуемым фашистскими охранками среди презренных предателей и врагов народа, укрепляет нашу страну, очищает ее от фашистского мусора, повышает бдительность миллионов советских людей.

Такие удары мы будем наносить и впредь, ни один фашистский наймит не уйдет от карающей руки наших славных бойцов-наркомвнудельцев, руководимых Н. И. Ежовым.

Раздавив шайку военных шпионов, беспощадно выкорчевывая все ее корешки, Советская страна будет с еще большей силой крепить боевую мощь Красной армии, мощь нашей социалистической промышленности, обеспечивающей армию всем необходимым.

Фашизму удалось купить жалкую кучку продажных негодяев, обезвреженных ныне приговором Верховного Суда.

Но никогда фашизму не удастся отнять у трудящихся завоевания Великой Пролетарской революции, поколебать основы советского строя, ослабить монолитное единство народов Советского Союза, сплоченных вокруг советского правительства и партии Ленина — Сталина.

«Красная армия есть и всегда будет плотью и кровью победившего народа, строящего новую социалистическую жизнь. Мы очищаем свои ряды от фашистско-шпионской мерзости и впредь не допустим повторения этих позорных фактов. Очищая свою армию от гнилостной дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны.

Красная армия обязана и будет иметь до конца честный, преданный делу рабочих и крестьян, подлинно свой командно-начальствующий состав.

Красная армия целиком, от красноармейца до высшего начальника, была, есть и всегда будет единым мощным, монолитным боевым коллективом».

Эта могучая армия социализма даст беспощадный и сокрушительный отпор любой попытке врага проникнуть на священную землю нашей социалистической родины.

Никакие подлые дела и замыслы тухачевских, якиров и всей фашистской шпионской швали не сломят героического духа наших замечательных бойцов и командиров, их любви и преданности советской родине, их готовности во всеоружии могучей военной техники бороться и побеждать под знаменами коммунизма. Не дождаться врагам поражения Красной армии, которая была и останется непобедимой!

Вместе со всем советским народом, вместе с миллионами наших друзей за рубежом, советские писатели приветствуют и полностью одобряют приговор Верховного Суда, уничтоживший банду шпионов.

Гнусная фигура прохвоста Эйдемана, всячески пытавшегося втереться в доверие советских писателей, вызывает отвращение среди всех работников литературного фронта.

Писатели Советской страны со всей силой ненависти и гнева, со всей страстью бойцов социалистической культуры клеймят позором и презрением проклятых лакеев фашистских разведок.

Сплоченные вокруг партии и ее великого вождя, крепящие фронт оборонной литературы, советские писатели будут с еще большей силой бороться своим творчеством за славу и честь нашей могучей родины, за воспитание широких народных масс в духе коммунизма, за преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

Выше зоркость и бдительность! Разгромим и выкорчуем до конца подлых врагов народа, предателей и изменников родине!

Не дадим житья врагам Советского Союза

Письмо советских писателей

Фашисты уничтожают культуру, несут человечеству вырождение, грубую, тупую милитаризацию. Фашисты убивают лучших людей мира.

Упорно и мрачно фашизм готовится к большой европейской войне. Главным об'ектом нападения он наметил Союз Советских Социалистических Республик. Цель врага: поработить нашу родину, превратить ее в колонию.

Фашизм хочет повернуть историю вспять. Настоящих хозяев Советской страны он хочет вновь загнать в трущобы и обречь на вымирание, отнять у колхозников землю, облитую кровью бойцов Красной армии. Фашизм подсылает к нам убийц, диверсантов, шпионов. Фашизм берет к себе на службу презренные остатки умирающих классов. И вот страна знает сейчас о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путна, Корка, Фельдмана.

Они годами носили маску. Они стремились к поражению героической страны и реставрации капитализма. Они стремились уничтожить любимое детище народа—нашу Красную армию, победительницу, которая сумела разметать, выбросить с нашей территории полчища 14 держав интервентов.

НКВД и тов. Н. И. Ежов раскрыли центр шпионов и мерзавцев.

Писатели СССР требуют у Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик осуществления статьи 133-й Сталинской Конституции.

Мы требуем расстрела шпионов!

Мы вместе с народом в едином порыве говорим—не дадим житья врагам Советского Союза!

Вл. Ставский, Лахути, Вс. Иванов, Вс. Вишневский, Фадеев, Леонов, Малышкин, Панферов, Новиков-Прибой, Федин, Павленко, Шолохов, Толстой, Тихонов, Погодин, Д. Бедный, Гладков, Бахметьев, Тренев, Сурков, Безыменский, Ильенков, Юдин, Кирпотин, Микитенко, Серафимович, Кириленко, Луговской, Сельвинский, Голодный, Пастернак, Шагинян, Караваева, Макаренко, Гидаш, Бехер, Вайнерт, Вольф, Слонимский, Лавренев, Прокофьев, Н. Асеев, В. Герасимова, Билль-Белоцерковский и др.

11 июня.

Следующий номер «Литературной газеты» с материалами, посвященными первой годовщине со дня смерти А. М. Горького, выйдет 18 июня

Советские писатели, вместе со всем великим советским народом, одобряют расстрел фашистских шпионов, предателей родины

Враг орудует вблизи

Нет преступления более гнусного, чем измена родине.

Мерзкое дело изменников Тухачевского, Якира и других вызывает чувство глубочайшего отвращения и глубочайшей ненависти.

Они предавали нашу родину фашизму. Они хотели отдать в кабалу наш народ, загнать его в фашистский застенок, растоптать отечество трудящихся всего мира, надежду всего передового и прогрессивного человечества. Смерть — единственно возможный приговор предателям.

Мы живем в пограничном городе, враг орудует вблизи. Враг засылает в нашу страну диверсантов и шпионов. Вооруженные Сталинской Конституцией, мы обязаны, показывая в художественных образах силу и мощь нашего великого народа, разоблачать происки врага, показывать, какими хитрыми путями проникает он в ряды честных советских граждан. Большевистская бдительность — вот, что должно руководить всеми нашими действиями.

Преданность родине, идеям социализма, большевистской партии, нашему любимому вождю товарищу Сталину — эти лучшие, благороднейшие чувства воодушевляют советский народ.

Вся работа, вся наша жизнь — на борьбу за непобедимую социалистическую родину!

Николай ТИХОНОВ, Мих. СЛОНИМСКИЙ, Александр ПРОКОФЬЕВ, Борис ЛАВРЕНЕВ, Мих. ЗОЩЕНКО, Г. МИРОШНИЧЕНКО.

Ленинград.

Враги заплатят своей головой

Секция драматургов ССП СССР с чувством полного удовлетворения приветствует приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР по делу фашистских шпионов.

Расстрел изменников народа усилит мощь нашей родины. Советский народ не позволит отдать прекрасную родину на растерзание фашистским бандитам.

За каждую каплю пролетарской крови враги народа заплатят своей головой.

Наша земля священна и неприкосновенна.

Да здравствует наша великая социалистическая родина!

Да здравствует великая партия Ленина — Сталина!

Секция драматургов ССП:
К. ТРЕНЕВ, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, А. ФАЙКО, Б. ЛЕВИН, В. ГУСЕВ, О. ЛЕОНИДОВ.

Наша родина непобедима

★ И. ФЕФЕР ★

Они предавали нас. Они хотели нашу солнечную родину превратить в огромное кладбище. Они хотели наши цветущие леса превратить в виселицы. Они хотели восстановить «страну господ, страну рабов».

Они промахнулись,—эти фашистские молодчики, эти омерзительные торговцы человеческой кровью, эти троцкистские выродки.

Мощный, непобедимый советский народ судил шпионов и воздал им по заслугам.

Наша родина — непобедима!

Наша героическая Красная армия — непобедима!

В этом еще раз убедились наши враги. Вот почему они так свирепеют и злобствуют.

Пусть знают они, что каждого, кто посмеет посягнуть на счастье советских народов, мы испепелим своей ненавистью, раздавим, как гадюк, так же, как эту мерзкую банду фашистских авантюристов!

ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

★ Л. НИКУЛИН ★

В дни процесса «параллельного троцкистского центра» немецкий писатель Лион Фейхтвангер призывал советских писателей показать в художественном произведении путь троцкистского выродка-предателя.

Это — огромная и достойная советского писателя задача.

В такой работе не может быть места ни поверхностности, ни легкомыслию. Здесь нужно открыть миру честолюбие, себялюбие, макиавеллиевскую психологию человечка, посягающего на свободу и счастье своей страны. Человечка, противопоставляющего себя партии и народу. Человечка, пожелавшего зачеркнуть, выжечь из человеческого сознания то, чему учили Маркс, Ленин и Сталин.

Поколение, которому сейчас 20 и 25 лет, выросло в социалистической стране, в стране, где орудия производства и земля в руках рабочих и крестьян.

И это поколение они хотели загнать в Собачеевки, в старые рабочие слободки, в Тошниловки, в Прохоровские казармы, в чайные союза русского народа. Колхозников октябрьского поколения они хотели отдать в батраки Бенкендорфам, Мейендорфам, Бобринским и Столыпиным.

О троцкизме говорил на пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин:

«Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Разве не то же нужно сказать и о правых, о наймитах капитализма, которые хотели гибели Коминтерна и исчезновения из памяти нашего пролетариата великой и благородной идеи солидарности трудящихся всего мира. Им мерещилось буржуазное государство, министерские портфели, покорный и безмолвствующий народ и гибель лучших людей нашей страны и человечества.

От своих зарубежных господ изменники восприняли презрение к народу и его воле. От своих зарубежных хозяев эти наемники восприняли растленную идейку предка германского фашизма Бисмарка: «Кто имеет больше силы, тот имеет больше права». У них не оказалось сил, чтобы поработить возрожденный Великой Пролетарской революцией народ великой страны. Они уйдут в небытие и забвение, но наш долг, долг литераторов, заключается в том, чтобы показать миллионам читателей их гнусный путь предательства и черной измены.

Писатель должен быть публицистом. Советский писатель должен одной из первых тем сделать тему бдительности и защиты своей страны от оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов и шпионов. Не надо гнушаться ни одним литературным жанром.

Пишущий эти строки 15 лет назад выступил в литературе с романом о диверсионной работе врагов на нашей среднеазиатской границе.

М. Горький первый обратился к автору со словами одобрения. Наш великий современник, которого мы потеряли год назад, понимал всю важность и актуальность этой темы для наших читателей.

Наш долг — заклеймить и показать миру, зарубежным товарищам страшное лицо наших врагов.

И еще наш долг в книгах, пьесах, стихах во весь голос, на весь мир сказать о том, что народ наш идет за тем, кто осуществил величайшие достижения в истории человечества—две пятилетки и коллективизацию крестьянского хозяйства.

Наш народ идет за Сталиным, который сделал нашу страну самой счастливой и сильной страной на земле.

Народ и изменники

★ Н. ВИРТА ★

Это были дни гнева.

Страшен гнев народа, нашего народа, который от мала до велика об'единен одним стремлением, — нет выше, прекрасней и благородней его мечты — сделать счастливым все человечество.

Миллионы сердец в эти дни были переполнены отвращением, кипучим гневом к тем, кто замыслил поднять руку на наши завоевания, на нашу волю, на все то, что сделано и будет сделано.

Вот пойманы и приведены на суд народа изменники, предатели — кучка мерзавцев, продавшихся фашистам, бессовестные люди, чьи имена будут синонимами самой отвратительной подлости. Изменившие присяге, предавшие народ, кровные его интересы — они уйдут из этого мира, провожаемые проклятиями всех честных людей, всех честных тружеников.

Если бы, сидя на скамье подсудимых, они знали, какие волны ненависти к ним—наемникам мракобесья — поднялись в стране! Если бы они знали, как единодушен народ в своем требовании: смерть этим собакам!

Рабочие и ученые, красноармейцы и писатели, командиры и колхозники, врачи и учителя, все беспартийные и партийные большевики, —

в один голос, все, как один, сказали:

— Расстрелять!

И суд лишь утвердил приговор народа.

Многолюдные митинги превратились в тот день как бы в огромное, великое собрание народов СССР.

Это собрание утвердило приговор суда.

Восемь шпионов, трижды презренных: Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна расплатились своими жизнями за то, что они хотели лишить нас счастливой жизни, продав интересы социалистической родины фашистским генеральным штабам одного иностранного государства.

«Советская разведка, вооруженная миллионами глаз советских патриотов, вскроет любую попытку шпионажа и вредительства, направленную против нашей родины. Смерть фашистским наймитам! Да здравствует наша родная Красная армия!» — эти слова из резолюции рабочих шарикоподшипникового завода им. Кагановича прозвучали по всей стране.

Наша советская разведка могущественна, ибо она пользуется безграничной любовью, доверием и помощью миллионов советских патриотов. Чекисты и их руководитель — верный сталинец т. Ежов, а вместе с ними народ, разоблачат, раскроют, приведут на суд всех, кто еще притаился в щелях, кто еще не найден, не раскрыт.

Патриоты Советского Союза! Зорче ваши глаза. Трижды проверять людей, беречь наши секреты, наши тайны—это тайны величайшей стройки! — призывают многочисленные резолюции, потоком идущие в наши газеты.

«Мы (рабочие Электрокомбината имени Куйбышева) даем обязательство быть бдительными на всех участках нашей работы. Мы выдвинем из нашей среды лучших бойцов, командиров и политических работников для Красной армии. Мы все сплотимся стальной стеной вокруг нашей партии Ленина — Сталина!»

В этих коротких фразах резолюции, принятой в ночных сменах Электрокомбината, все: и верность партии, и искреннее желание помочь ей, и безграничная любовь к нашей Красной армии, которой не подорвать никаким шпионам и изменникам.

Народный артист Союза ССР т. Леонидов призывает к бдительности и еще раз к бдительности.

Архитектор Н. Я. Колли призывает всех архитекторов беречь, как зеницу ока, планы строек социализма.

Слушатели, преподаватели и начальствующий состав Краснознаменной, ордена Ленина Военной академии РККА им. Фрунзе обещают партии и правительству в кратчайший срок ликвидировать в своей академии последствия вредительской работы шпиона Корка и обеспечить выпуск из Академии высококвалифицированных и безгранично преданных партии и народу командиров-большевиков.

Бойцы, командиры и политработники славной Дальневосточной армии восприняли сообщение прокуратуры СССР, как боевой сигнал, как тревогу.

Красноармеец т. Привода заявил:

«Сегодня я себе говорю, — когда будешь вступать на пост, тверже сжимай винтовку, зорче вглядывайся в темень, знай, что опасный и лютый шпион, диверсант, вредитель бродит вокруг нас. Будь всегда и везде бдителен, и враг не пройдет».

Будь всегда и везде бдителен! Эти слова звучали на всех митингах — в письмах к нашему Сталину, который ведет нас к новым и новым победам, в письмах, полных любви и преданности, в письмах к чекистам и их руководителю — т. Ежову, в резолюциях и выступлениях. Будь всегда и везде бдителен — работаешь ли ты на заводе, пишешь ли книгу, колхозные ли поля вверены тебе, участок границы, самолет или микроскоп... Везде и всюду будь бдителен! — так говорит народ.

Изменники просчитались. Все, что есть честного в этом мире — заклеймило их презрением. Они раздавлены, приговоренные к смерти народом.

Но остались еще в своих углах, в смрадном подполье их агенты, пособники и помощники. Советские патриоты, зорче глаз! Не дадим житья врагам Советского Союза!

Свершился грозный приговор

★ МИХ. ГОЛОДНЫЙ ★

Клубок змеиный,
  клубок кровавый,
Разматывайся до конца.
Пусть стонет враг
  в кольце облавы,
И маски валятся с лица.

Напрасно взгляд от страха
                    мутный
Зовет на помощь
  мир господ.
К вам, тухачевские
  и путны,
Никто на помощь не придет!

И города и наши нивы
Вам не увидеть никогда.
Плевками встречен
  взгляд блудливый.
Вы просчитались, господа!

И суд народа,
  суд наш правый
вас скоро подведет к стене,
Клубок змеиный и кровавый
Зажат в железной пятерне.

Распутаны узлы кривые,
Предательств и убийств позор.
И вижу — буквы огневые:
  Свершился грозный приговор!

Проклинаем предателей и шпионов

Органами НКВД поймана с поличным группа предателей — шпионов. Они, продавшись фашизму, готовили ярмо капитализма трудящимся нашей социалистической родины. Но их гнусные контрреволюционные планы не осуществились. Приговором пролетарского суда эта фашистская нечисть сметена с лица земли.

Пусть знают тухачевские, эйдеманы, уборевичи и им подобные фашистские изверги, что им не удастся восстановить капитализм в нашей стране.

Мы клеймим позором и проклинаем предателей! Мы даем большевистское слово нашему великому Сталину и вождю нашей Красной армии Ворошилову, что в любую минуту, когда поджигатели войны с Востока или Запада попробуют сунуть свое свиное рыло в наш советский огород, — мы сменим писательское перо на боевую винтовку и встанем в ряды нашей Красной армии!

Да здравствует коммунистическая партия и ее вождь — наш учитель, наше солнце — Сталин!

Хвала и честь славным чекистам!

Группа писателей и поэтов Северной Осетии:
К. БАДОЕВ, А. ГУЛУЕВ, Д. МАМСУРОВ, Г. ПЛИЕВ, А. ИСАКОВ, Х. ПЛИЕВ, Г. КАЙТУКОВ.

ПОМНИТЬ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

11 июня на митинге советских писателей Минска белорусские, еврейские, русские и польские писатели единодушно выражали свой безграничный гнев и возмущение подлой деятельностью банды изменников и шпионов и горячо приветствовали верного часового диктатуры рабочего класса — тов. Ежова.

Писатели заявили, что они, ни на минуту не забывая о подлой подготовке фашистского нападения на СССР, будут постоянно помнить слова великого Сталина о капиталистическом окружении.

Рабочие и служащие инструментального цеха 1-го Государственного подшипникового завода им. Л. М. Кагановича слушают сообщение о приговоре Верховного суда СССР над шпионами, предателями родины. Выступает комсорг инструментального цеха тов. В. Юдин. (Союзфото).

НЕТ И НИКОГДА НЕ БУДЕТ МЕСТА В РЯДАХ НАШЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ АРМИИ ПРЕДАТЕЛЯМ, ИЗМЕННИКАМ ПРИСЯГЕ И РОДИНЕ

Воля народа совершилась

★

Ф. ГЛАДКОВ

★

Восемь злодеев-шпионов, изменников родине, диверсантов, наймитов фашизма сметены бурей народного гнева: схваченные с поличным, они предстали перед социалистическим Верховным судом, приговорены к расстрелу и уничтожены.

Воля народа совершилась.

Так истреблены были и банды троцкистов и зиновьевцев—террористов, диверсантов, предателей, прямых агентов фашизма, стремившихся с помощью фашистских людоедов восстановить в нашей социалистической стране иго помещиков и капиталистов. Так будут истреблены все гады, которые посмеют поднять руку на свободу многомиллионного народа, на власть советов, на незыблемые основы великой сталинской Конституции.

Славный НКВД и его боевой руководитель, верный сталинец тов. Н. И. Ежов, беспощадно выкорчевывают и стирают с лица земли всю бандитскую сволочь, всех шпионов, фашистов и диверсантов.

Восемь изменников, фашистских шпионов, ловко маскировались своим высоким положением: эти люди занимали высшие командные должности в Красной армии, и им оказывалось доверие. Грязная шайка мерзавцев продавала нашим заклятым и свирепым врагам тайны нашего государства, подрывала мощь нашей родной Красной армии и стремилась вызвать войну и в этой войне привести Советский Союз к поражению. Что может быть чудовищнее и ужаснее этого преступления?

Они разоблачены и уничтожены. Вся страна полностью удовлетворена приговором суда и вздохнула с облегчением.

Наша Красная армия—наша гордость и сила, представляющая величайший образец органического слияния армии с народом, — попрежнему непобедима и могуча.

Нет в мире такой силы, которая могла бы нарушить это единство и поколебать беспримерную его мощь. И многомиллионные патриоты своей социалистической родины ни на миг не позволят поколебать оплота своего могущества.

Нет на земном шаре такой страны, как Советский Союз, которая бы так твердо и непоколебимо стояла на страже всех великих идеалов культурного человечества: наше социалистическое государство пользуется безмерной любовью всех, кто борется за светлое будущее, за освобождение людей от ига варварского фашизма, от вымирания и гибели.

И не только все мы, советские патриоты, встречаем приговор Верховного суда с радостью, но удовлетворены им и все массы честных и прогрессивных людей за рубежом.

Но нельзя успокаиваться! Будем еще более бдительны, ибо остались еще последыши этих мерзавцев. Их надо уничтожить до последнего. Пусть не будет этой мрази на нашей земле. Ни на минуту нельзя забывать, что мы—в окружении врагов.

Пусть глаз наш будет еще более острым, и пусть карающая рука стирает каждого, посмевшего нарушить великие основы нашей сталинской Конституции и изменить родине.

Безграничной любовью народа окружена наша Красная армия, безграничной преданностью полон наш народ к своей коммунистической партии, к своему великому вождю. И эта любовь и преданность насыщают непобедимой силой нашу страну. И пусть не помышляют фашистские палачи коснуться наших рубежей.

Все темные силы наших врагов будут раздавлены беспощадно.

ЛИЦО ГАДИНЫ

★

В. ГЕРАСИМОВА

★

Маска сорвана!

Те восемь человек, которые бесстыдно и умело в своих узких, предательских целях эксплоатировали безмерную любовь трудового советского народа к великой Красной армии, предстали перед страной в своем подлинном облике — предателей и грязных шпионов.

Только оглядываясь назад, можно притти к выводу, что даже в то время, когда предатели еще не были разоблачены, — нечто особое, отделяющее их от типичных командиров этой великой армии, лежало на всем облике этих людей.

Барственно-пресыщенный Тухачевский, интеллигентски-эстетствующий Примаков, чиновничьи непроницаемый и сухой штабист Уборевич, старогенеральская фигура надутого, высокомерного Корка...

Мир капиталистического окружения цепляется за родственные ему по духу звенья, в своей бессильной ярости пытаясь прорваться за могучую, стальную, неприступную цепь, которая опоясывает родную страну победно растущего социализма.

Тщетны усилия этого корыстного, фашиствующего мира.

Винтовки на изготове у пограничника; зоркость, смелость и непримиримость на изготове у работников Наркомвнудела, у товарища Ежова.

И мы, работники литературы, обязаны удесятерить наши силы, наше искусство, нашу зоркость.

Происшедшее обязывает и нас, работников литературы, сделать все, чтобы всемерно содействовать разоблачению и уничтожению врага.

Лакировка, культивирующая беспечность и легкомыслие; та психологическая дешевка, которую проповедывала троцкистская свора авербаховцев и литфронтовцев, мешала советской литературе показать во весь рост ловкого, подлого, нередко очень неглупого, притаившегося врага.

Эта враждебная серьезному духу нашей страны лакировка отводила удары от того, кто действительно опасен, и подсовывала под удар грубо раскрашенные марионетки «злодеев» ремесленного производства киршоно-ясенских.

В этом же направлении «трудились» и литфронтовцы. Травлей и улюлюканием встречала эта спевшаяся компания всякую попытку того или иного писателя показать углубленно, без грубо разоружающей лубочности лицо агентов и приказчиков капиталистического мира.

Долг советского писателя — творчески раскрыть и пригвоздить к позорному столбу гадюк-лицемеров, лжецов в маске честного человека, — всех тех, кто хитроумно и изобретательно прячет свое подлинное нутро.

Нутро буржуазных фашистских агентов и наймитов, чья подлинная и откровенная задача была, как отчетливо, кратко и наиболее убедительно формулировало обвинительное заключение, «вернуть власть помещиков и фабрикантов».

Бессмертным оружием искусства убить хитрую, изобретательную и ядовитую гадину — долг нашей боевой литературы.

ОНИ ХОТЕЛИ ПРОДАТЬ УКРАИНУ

★

А. ЛЮБЧЕНКО

★

Родина наша сильна. Родина все более крепнет, растет, цветет, а какая-то кучка грязных авантюристов, фашистских наемников хотела подорвать этот расцвет, стремилась кровью залить родину.

Советская Украина, которую мы в тяжелой борьбе завоевали и строили, солнечная наша советская Украина дышит свободно могучей грудью, а руки предателей уже готовились продать ее, снова закабалить украинский народ, отдав его на растерзание фашистам, помещикам и капиталистам.

Какими словами назвать эту безграничную подлость? Где взять такие слова?

Я с глубоким удовлетворением приветствую суд, достойно покаравший врага.

Заклятые враги страны социализма опять просчитались

На митингах в издательствах

На двух митингах в Издательстве иностранных рабочих — 11 и 13 июня — сотрудники издательства выразили свое презрение подлым изменникам родине и приветствовали приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР.

«Проклятая военно-шпионская группа хотела потопить в крови нашу прекрасную страну, — **читаем мы в резолюции работников издательства**. — Продавшаяся врагу группа эта мечтала о восстановлении власти помещиков и капиталистов под зловещей фашистской свастикой. Но враги просчитались. Недремлющее око пролетарской диктатуры, неутомимая работа советской разведки, участие в которой принимают многомиллионные трудящиеся массы нашей родины, разгромили и эту банду фашистских шпионов, как разгромят всякого, кто посягнет на международное отечество пролетариата».

Приветствуя уничтожение гнусных лазутчиков фашистских штабов, сотрудники издательства заверяют партию и правительство:

«Мы еще более усилим нашу бдительность! Пусть трепещут все шпионы, диверсанты и убийцы! Да здравствуют НКВД и его руководитель т. Ежов! Пусть крепнет на страх врагам диктатура рабочего класса!

Пусть крепнет наша доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия под руководством коммунистической партии и ее Центрального Комитета во главе с товарищем Сталиным!»

⁂

С сообщением о процессе над группой подлых шпионов, изменников родине **на митинге в Изогизе** выступил заведующий издательством т. Б. Ф. Малкин, после которого высказывались редакторы и другие работники Изогиза.

В своей резолюции сотрудники издательства заявляют:

«Разгром гнусного шпионско-фашистского ядра — наглядное свидетельство того, что каждый, посягнувший на СССР, погибнет, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Изогиза шлет горячий привет родной Красной армии и нашему бдительному органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю, верному соратнику великого Сталина — т. Ежову.

Коллектив Изогиза еще теснее сплотит свои ряды вокруг Всесоюзной коммунистической партии большевиков, вокруг великого и мудрого вождя народов товарища Сталина.

⁂

«С огромным удовлетворением мы узнали о приведении в исполнение справедливого, единственно возможного приговора пролетарского суда над восьмеркой пойманных с поличным презренных фашистских шпионов», — заявляют в своей резолюции **сотрудники изд-ва «Московский рабочий»**.

«Вечный позор, вечная ненависть, жгучее презрение к врагам народа, подлым изменникам, пытавшимся предать нашу родину, содействовать расчленению нашего великого Советского Союза и восстановить в нашей стране власть помещиков и капиталистов.

Мощный голос народа СССР полон негодования, но он звучит спокойно, уверенно, в непоколебимом сознании своей силы.

Выше революционную бдительность! Не забывать ни на минуту о вражеском окружении! Будем всячески помогать нашим славным наркомвнудельцам до конца разоблачить и уничтожить всех шпионов, диверсантов и прочих врагов народа.

Никакими подлыми вылазками врагам не удастся ослабить мощь нашей непобедимой Красной армии, не удастся ослабить победное строительство социализма в СССР».

⁂

Вместе со всей страной, со всем советским народом **сотрудники издательства «Советский писатель»** с чувством глубокого удовлетворения встретили приговор Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР над шайкой изменников родине, шпионов.

В принятой резолюции работники издательства заявляют:

«Воля суда — это воля народа нашей великой страны».

Работники издательства клянутся еще теснее сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг ее ленинского ЦК, вокруг друга и отца народов товарища Сталина, еще зорче оберегать завоевания Великого Октября, еще беспощаднее разоблачать врагов народа, в какие бы одежды они ни рядились.

⁂

Общее собрание сотрудников Гослитиздата с огромным удовлетворением выслушало сообщение о приговоре, вынесенном Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда Союза ССР по делу контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков, свивших себе гнездо в Красной армии.

В ответ на подлое предательство тухачевских, якиров, уборевичей и других агентов фашизма, расстрелянных по приговору советского народа, сотрудники Гослитиздата заявляют, что они будут еще больше крепить оборону нашей страны, овладевать большевизмом, повышать революционную бдительность и сплачивать свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг вождя народов — любимого великого Сталина!

По первому зову партии они встанут в ряды родной и непобедимой Красной армии и, если это потребуется, отдадут свою жизнь за социалистическое отечество, за нашу прекрасную и цветущую родину.

⁂

Гневом и возмущением звучали голоса работников **издательства «Молодая гвардия»**, выступивших на митинге, созванном в связи с гнусным предательством шайки фашистских шпионов.

Выступавшие на митинге говорили о потере большевистской бдительности, об идиотской болезни — беспечности, в результате которых на страницах журнала «Молодая гвардия» появилась повесть немецкого шпиона фашиста Борна, выпущенная тем же издательством отдельной книгой.

В принятой резолюции митинг единодушно приветствует и одобряет приведенный в исполнение приговор Верховного Суда о расстреле презренных шпионов, наемников кровавого фашизма.

Да здравствует непобедимая Рабоче-крестьянская Красная армия!

ЛЕНИНГРАД, 14 июня. **(По телеграфу от наш. корр.).**

В доме им. Маяковского состоялся митинг ленинградских писателей.

— Писатели собрались, — сказал во вступительном слове секретарь парткома **Г. Мирошниченко**, — чтобы сказать свое слово о справедливом приговоре, выразившем волю 170-миллионного народа советской страны. Советский народ уничтожит фашистское отродье, где бы оно ни скрывалось и какие маски ни надевал бы враг. Нам нельзя забывать, что подлые враги народа были разоблачены и в рядах литературной организации. Наша задача — удесятерить большевистскую бдительность.

На трибуне — поэты, прозаики. Писатели единодушно одобряют приговор Специального Присутствия Верховного Суда СССР.

— Этот приговор, — говорит в своей речи **Ф. Князев**, — свидетельствует о мощи нашей страны. Где бы ни пытался вредить враг, — он будет уничтожен.

— Так кончит всякий, — заявляет **Б. Лавренев**, — кто попытается ослабить мощь нашей великой страны, нашей родной Красной армии.

— Наша армия, — говорит **Николай Тихонов**, — это армия нового человечества, это армия, которой доверены судьбы мира. Расстрелянные преступники — Тухачевский, Якир, Эйдеман и другие — занимали в нашей армии высокие посты. Черной изменой ответили они на доверие народа. Изменники, шпионы и предатели стерты с лица земли. Читая о чудовищных злодеяниях этой банды, я ощутил ту борьбу, которую ни на минуту не следует забывать, — я ощутил непрекращающийся **тайный** бой. Мне вспомнился Петроград 1919 года. Наш славный город был окружен бандами Юденича; засевшие в темных углах шпионы и изменники готовились предать нас. Питерские рабочие вышли на улицы и разоружили этих предателей. Бдительность—традиция пролетариата города Ленина! Наша Красная армия в грядущих открытых боях положит конец позору всего человечества — фашизму. Но надо быть готовым и к тайному бою, разоблачая и уничтожая всех лазутчиков фашизма, всех шпионов, изменников, предателей!

— Тухачевский, Якир, Уборевич и др. изменники, — заявляет **В. Саянов**, — понесли возмездие за чудовищное преступление. Расстреляв их, мы выиграли первое из сражений будущей войны. Мы выиграли передовой бой! Фашистская разведка, поджигатели войны понесли огромное поражение. Приветствуя приговор Верховного Суда, мы, писатели, заявляем: кровь свою, жизнь свою отдадим бессмертному делу Ленина — Сталина!

Народ любит и ценит героев родной Красной армии, — говорит **Н. Брыкин**, — народ поет песни о Ворошилове, Буденном, Блюхере... Но люди, которые оказались сейчас подлыми изменниками, никогда не были народными героями, нет и не было о них песен.

— Они были жалкими и ничтожными людьми, — говорит **С. Марвич**, — жалок и ничтожен их конец. Им не на кого было опереться в нашей стране и опорой им стала фашистская контрразведка.

В резолюции, единогласно принятой писателями, говорится:

«Общее собрание писателей города Ленина с глубоким удовлетворением приветствует приговор Специального Присутствия Верховного Суда Союза ССР над разоблаченными гнусными преступниками, шпионами, агентами иностранной разведки Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Эйдеманом, Корком, Фельдманом, Примаковым и Путна, которых настигла карающая рука пролетарского правосудия.

Ленинградские писатели возмущены их неслыханными, не имеющими имени преступлениями. Гнусная банда фашистских лакеев, продажных контрразведчиков, занимая высшие посты в Рабоче-крестьянской Красной армии, отвратительно двурушничала и продавала фашизму жизни сотен тысяч доблестных бойцов Красной армии и жизни миллионов трудящихся нашей великой и счастливой родины.

Они надеялись установить иноземную фашистскую диктатуру в нашей стране, они мечтали утопить в крови все завоевания и достижения советского народа и вернуть власть помещиков и капиталистов, которым они хотели служить цепными псами.

Но враги просчитались. Советский народ сильнее кучки негодяев, которую он смел без остатка. Никакое предательство не ослабит мощи Красной армии, которая в нужный час под водительством Клима Ворошилова и подлинных боевых вождей раздавит всякого, кто занесет грязную кровавую лапу на землю Советов.

Да здравствует непобедимая Рабоче-крестьянская Красная армия и ее железный нарком Клим Ворошилов!

Да здравствует разящий без промаха меч пролетарской диктатуры — НКВД и его славный нарком т. Ежов, верный ученик товарища Сталина!

Да здравствует великая партия Ленина и ее испытанный рулевой, любимый отец народов СССР Иосиф Сталин!».

МЫ ТОРЖЕСТВУЕМ

★

И. МИКИТЕНКО

★

Вместе со всей нашей могучей страной мы выносили приговор клятвопреступникам, фашистским шпионам Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим предателям родины. Они прокляты великим советским народом, осуждены на смерть и стерты с лица земли. Но ненависть к изменникам не утихает и не может утихнуть.

Презирая и ненавидя их подлые имена, мы торжествуем по поводу явного кризиса фашистской разведки, провала адских планов фашистских поджигателей войны. Бандиты просчитались и неизбежно просчитаются впредь!

Страна социализма — непроходима для фашистских лазутчиков, шпионов и вредителей.

Проклятие и смерть ждет каждого из них.

Границы нашей родины неприступны. Наша могучая рабоче-крестьянская Красная армия, наш великий советский народ — непобедимы. Мы торжествуем и продолжаем вместе со всей страной свой творческий труд под знаменем Ленина — Сталина.

НАШ ДОЛГ ПОКАЗАТЬ МОЩЬ И ВЕЛИЧИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Презренные фашистские шпионы— Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман, Корк, Фельдман, Примаков, Путна расстреляны. Один из участников этой шайки Гамарник, испугавшись суда народа, покончил жизнь самоубийством.

Расстрел фашистских псов, чьи имена уже стали нарицательными для обозначения подлости и предательства, всем советским народом воспринят и одобрен как единственно справедливая и единственно возможная кара за их чудовищную измену родине. Расстрел каждого из них спасает тысячи жизней честных, беззаветно преданных социализму бойцов.

Воля советского народа выполнена. Опасные враги народа, подлые предатели родины уничтожены.

Это — грозное предупреждение всем тем, кто бы посмел торговать неприкосновенностью нашей родины.

Это — новое напоминание всем честным гражданам нашей родины о еще большей бдительности, о большей партийности, страстности в каждодневной работе и страстной непримиримости к врагам.

Весь народ выражает сегодня глубокую благодарность НКВД, мечу пролетарской диктатуры и его руководителю, верному сталинцу тов. Н. И. Ежову.

Весь народ выражает свою исключительную любовь и преданность нашей коммунистической партии большевиков и ее ЦК во главе с родным товарищем Сталиным.

Те, которые надеялись уничтожить нашу страну, упразднить наш социалистический строй, сегодня упразднены сами. Упразднены по приговору, произнесенному лучшими сынами нашей родины, старейшими и любимейшими командирами славной Красной армии. И наш долг, долг писателей, сегодня на своем участке великой борьбы за дело социализма в наших произведениях разоблачить врага, показать звериные тропы его бессильной злобы, его двуличие и двуязыкость.

Наш долг показать мощь и величие Красной армии, великой народной армии, несокрушимую силу которой никогда не удастся поколебать изменникам и шпионам.

Редакция журнала «Знамя» и актив писателей:
М. Ланда, Вс. Вишневский, С. Рейзин, П. Павленко, А. Новиков-Прибой, С. Вашенцев, Вл. Луговской, К. Паустовский, Л. Рубинштейн, Л. Славин, С. Кирсанов, Ал. Исбах, Н. Вирта, Вл. Курочкин, Б. Ромашов, Е. Петров, Б. Лапин, Геннадий Фиш, Вас. Гроссман, З. Хацревин, Ан. Тарасенков, В. Шкловский, Е. Долматовский, К. Симонов, М. Алигер, В. Перцов, В. Гусев, П. Антокольский.

«ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

13 июня в Большом зале ВТО открылась конференция «Горький и театр».

М. И. Имас в своей вступительной речи остановился и на значении Горького, как пламенного борца с фашизмом, выдвинувшего лозунг «Если враг не сдается, его уничтожают!».

Конференция под единодушное бурное одобрение всех собравшихся приняла резолюцию, в которой она приветствует решение Специального Присутствия Верховного Суда СССР об уничтожении озверевшей банды предателей родины.

«Раскрытие и расстрел шайки шпионов свидетельствуют о мощи нашего государства и росте силы великой страны Советов, — говорится в резолюции. Гигантский рост социалистического хозяйства в СССР обеспечил всем трудящимся небывалые возможности культурного развития. Сталинская Конституция закрепила эти наши завоевания. Ширится и растет социалистическое искусство, ставшее достоянием всего народа. Ни в одной другой стране нет такого внимательного отношения к театру, к нуждам актера».

Далее конференция заявляет:

«Если враг не сдается, его уничтожают!». Эти слова великого гуманиста А. М. Горького отражают мнение всех трудящихся нашего великого народа и всех работников искусств.

Под руководством партии и великого вождя народов тов. Сталина мы преодолеем все препятствия и сметем каждого, [illegible]мелится стать на нашем [illegible]

Заканчивается [illegible]иветствием партии [illegible]ликому Сталину.

Суд выполнил волю народа

★

П. ГОЛОВАЧ

★

Приходили газеты из Москвы, местные и из районов. Они рассказывали об огромных и все новых победах народов великого Советского Союза, строящих мир солнечной правды, мир социализма.

Но вот газеты принесли сообщение о восьми пойманных с поличным шпионах, о восьми посланцах фашизма, о людях из мира человеконенавистничества и мракобесия, из мира убийств и предательств.

Как весть о новых победах социализма вызывает огромную волну народной радости, так весть о восьми предателях вызвала огромную волну гнева и ненависти к ним.

Уничтожить предателей! — Это требование прозвучало в заводских цехах и студенческих аудиториях, в красноармейских казармах и на колхозных полях. Это было единодушное требование народа, его воля. И эта воля выполнена пролетарским судом.

Никому и никогда не удастся отнять у народов Советского Союза их социалистической родины. На каждую попытку врагов посягнуть на нашу родину народ ответит еще большей любовью к ней и еще большей ненавистью к ее врагам.

Этими великими чувствами безграничной любви и преданности своей социалистической родине и чувством безграничной ненависти к ее врагам будут дышать и наши книги.

Минск.

УНИЧТОЖИМ ПРЕДАТЕЛЕЙ!

★

А. ГИДАШ

★

Кровь сотен тысяч красноармейцев — лучших сынов народа — хотели эти люди пролить на землю Советов. Нашу родную советскую землю хотели они отдать врагам человечества, превратить ее, цветущую, богатую, в кровавое пепелище, сделать сиротами миллионы счастливых советских детей, сделать несчастными миллионы жен и матерей.

Это врагам не удалось!

Предатели, шпионы пойманы с поличным. И в бессильной злобе свирепствуют в своих кабинетах их хозяева-вдохновители — Геббельсы и Геринги.

Кто эти люди?

Пытаешься вспомнить, но не находишь примера в истории. Они не имеют предков, но у них есть современники — изуверы человечества — германо-японские фашисты.

И в отношении этих кровожадных псов фашизма расстрел — акт гуманности. Этим актом советский суд спасает миллионы жизней трудящихся от кровавых фашистских собак.

Больше зоркости!

★

Я. ГОРОДСКОЙ

★

Под командирской советской формой они носили коричневые рубашки оголтелых фашистов. Наша славная разведка осветила их своим сильнейшим в мире фонарем — и мы увидели: тухачевские, якиры, уборевичи и прочие — это ведь гитлеровские молодчики, штурмовики гестапо.

Их расстреляли, эту гнусную челядь людоедствующего фашизма. Их уничтожили, этих презренных холуев старого проклятого мира. Но злодеяния предателей так велики, что даже смерть для них — легкое наказание. Пусть же прокляты будут их имена, пусть вечный позор падет на это шпионское отребье.

Наша сила в том, что мы изловили и этих, так ловко замаскированных врагов. Наша сила в том, что каждый честный трудящийся в стране — боец и чекист.

Зорче смотреть на литературном фронте!

Громить и выкорчевывать врага по-настоящему!

И создавать такие произведения, которые будут разить врага смертельно!

Еще теснее сплотимся вокруг партии, вокруг родного Сталина!

Киев.

Врагам не укрыться!

★

Б. Лапин

З. Хацревин

★

Восемь изменников, восемь фашистских разведчиков, изобличенных, вытянутых на поверхность своих преступлений, с бесстыдством профессиональных убийц, с лживостью троцкистов предавали нашу родину, подымали руку на священные завоевания страны социализма.

Кучка заговорщиков, стремившихся вернуть власть помещиков и капиталистов, уничтожена по приговору Верховного суда. Пусть помнят все враги нашей сильной и цветущей родины, что та же судьба постигнет всех, кто осмелится сунуться к нам с враждебными помыслами.

Какие бы «школы предательства» и «университеты шпионажа» ни проходили фашистско-шпионские выродки,—им не укрыться от миллионноглазой разведки советского народа.

ВНЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ ЖИЗНИ ДЛЯ НАС НЕТ

★

АЛ. ПРОКОФЬЕВ

★

Приведен в исполнение приговор великой страны и великого народа над сворой бандитов, предателей и изменников. Вырвано с корнем и уничтожено змеиное гнездо фашистских шпионов, подлейших псов фашизма. Гады растоптаны, уничтожены, сметены.

Страна раскрыла их чудовищные преступления перед советским народом, лишила их жизни, покрыла неизгладимым вечным позором их презренные из рода в род имена.

Могуча и победоносна советская страна.

Непоколебимо стоит она, и ее алый немеркнущий флаг, ее знамя, добытое и политое кровью лучших сынов, гордо веет по всем ее просторам. Никогда не удастся фашистам сделать нас рабами! Потому что, мы любим нашу советскую родину, нашу отчизну великой сыновней и дочерней любовью.

Потому, что вне советского строя для нас нет жизни.

И если враг посягнет на священные границы нашей родины:

То за эту страну мы под грохот
орудий
Встанем, с моря и с неба гроза,
Потому что, когда стали счастливы
люди,
То отнять это счастье нельзя
Никому, никогда! Никогда!

Ленинград.

«Тайные советники» фашизма

★

БОР. ЛАВРЕНЕВ

★

Чин тайного советника издавна считался в одной «дружественной» западной державе заветной вершиной жизненного пути, Монбланом человеческого блаженства для каждого паршивенького филистера, для каждого мелкотравчатого обывателя, делавшего служебную карьеру в каком-нибудь из бесчисленных учреждений громоздкого бюрократического государственного аппарата этой державы.

Чин тайного советника обеспечивал уважение сограждан, двадцатипятипроцентную скидку на слабительное и гигиенические средства в соседней аптеке, почтительное козыряние постового полицейского и даже право на вход в Пантеон «исторических мужей» этого почтенного государства.

Добившиеся этого вожделенного чина приобретали даже особую походку, по которой обитатели города могли издали безошибочно сказать: «вот шествует господин тайный советник. Как он прекрасен и полон достоинства».

Очевидно банда предателей и шпионов, контрразведчиков и диверсантов — Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман, Корк, Примаков, Путна и Фельдман — воспылала желанием добиться получения этого столь вожделенного и блистательного для каждого фашистского лакея чина из собственных господских рук фашистских владык.

И они пошли на все, чтобы выслужить этот желанный чин, если не в официальной табели «дружественной» державы, то хотя бы на страницах беспощадной и нелицеприятной истории.

Средством для своей гнусной карьеры они избрали испытанный способ всех исторических мерзавцев — измену. Но будучи сверхмерзавцами, они и в самой измене переступили за черту всех известных миру злодеяний предателей. История запечатлела навсегда позором имена предателей, ставшие нарицательными.

Все гневные и ненавидящие клички и эпитеты, которые изобретал человеческий язык, создавались для выражения нашего отношения к человеческим преступлениям. Но деяния, совершенные восемью человекоподобными мерзавцами, настолько выходят за грань человеческих поступков, что для оценки их слов нет. И отныне для квалификации человека, перешедшего последний предел морального падения в предательстве и измене, — его будут называть не Иудой, а одной из презренных фамилий людей, побивших рекорды предательства.

Воспитанник прогнившего и гибнущего царского режима, министр Сухомлинов продавал одну вонючую капиталистическую помойку другой вонючей капиталистической помойке.

Сухомлинов был хоть последователен, он представлял собой моральный кодекс своего строя, державшегося на насилии, обмане и предательстве. Воспитанный на торговле народной кровью, он только поставил логическую точку на своем строе своим предательством.

Но гнусная банда тухачевских продавала не прогнившую Россию времен империалистической войны. Они торговали новым миром, созданным колоссальными усилиями и жертвами миллионов трудящихся. Они продавали день ото дня крепнущую социалистическую родину, страну, навсегда сбросившую кровавые цепи капиталистического рабства и угнетения, страну, идущую семимильными шагами к огромному человеческому счастью, в солнечное завтра коммунизма.

Эта страна подарила их своим высшим доверием. Она вверила им почетнейшую обязанность защиты социалистической родины, великой братской семьи трудовых народов, оборону границ, укрепление боевой мощи наших вооруженных сил для последнего решительного боя с озверелыми ордами одичавших фашистских выродков, мечтающих уничтожить все, что создал на шестой части планеты советский народ, претворяя в жизнь величайшие идеи Маркса — Ленина — Сталина.

За все это они отплатили стране неслыханной изменой, чернейшим в истории человечества предательством. Они выдавали своим зарубежным хозяевам тайны обороны родины. Они готовили поражение Красной армии, они сознательно подрывали ее боеспособность, обрекая на смерть миллионы молодых жизней доблестных советских бойцов. Они плели омерзительную сеть своих преступлений, ожидая с нетерпением минуты, когда им удастся передать связанный по рукам и ногам советский народ иностранным помещикам и капиталистам. Они мечтали загнать этот народ в ярмо капиталистического рабства, задушить его, лишить огня и воды, пищи и работы. Отнять у советских ученых науку, у советских женщин — равноправие, у детей — право на образование, и снова превратить миллионы в бессловесных и бесправных рабов, по спинам которых свистя гуляет хозяйская плеть.

Этого они добивались, для этого они совершали одно преступление страшнее другого, одну мерзость чудовищнее другой.

В награду себе они ждали подачек из хозяйских рук, из рук выродков человечества, являющих собой всю гнусность, всю квинтэссенцию последней стадии капиталистического распада и озверения, — из рук фашистских палачей. Но они просчитались, они не поняли, что огромная счастливая страна сильнее их, что любовь стасемидесяти миллионов к своей родине во много крат сильнее и могущественнее их мелкой змеиной ненависти и предательства.

18 ИЮНЯ—ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ СМЕРТИ А. М. ГОРЬКОГО

М. Горький

Колюша

Набросок

В самом бедном углу кладбища, среди осыпавшихся, размытых дождями и распыленных ветром могильных холмов, на одном из них, под кружевной тенью двух чахлых березок, сидела пожилая женщина в старом ситцевом платье и в черном платке на голове.

Прядь полуседых волос спускалась ей на левую щеку, сухую и морщинистую, тонкие губы были плотно сжаты, и их углы опускались книзу, образуя скорбные складки по обеим сторонам рта, и веки глаз ее тоже были опущены книзу, как всегда это бывает у людей, много плакавших и не спавших много тоскливых ночей.

Она сидела неподвижно все время, пока я наблюдал за ней издали, и не пошевелилась, когда я подошел к ней: она только подняла на меня большие, тусклые глаза и снова равнодушно опустила их, не выразив ими ни вопроса, ни смущения, ничего, что бы позволило мне догадаться, как она отнеслась к моему появлению перед ней.

Я поздоровался с ней и спросил, кто здесь лежит у нее?

Она отвечала покорно и равнодушно:

— Сын...

— Большой?

— На тринадцатом году...

— Давно умер?

— Пятый год пошел...

Она вздохнула и заправила волосы со щеки под платок. Было жарко. Солнце беспощадно палило город мертвых; тощая трава на могилах побурела от солнца и пыли, и жалкие деревья, уныло торчавшие кое-где среди крестов, тоже покрытые слоем пыли, стояли неподвижно, точно и они были мертвы...

— Отчего он умер? — спросил я женщину, кивнув головой на могилу ее сына.

— Лошади раздавили... — кратко сказала она и погладила землю холма своей морщинистой рукой.

— Как же это случилось?

Я чувствовал, что я неделикатен, но равнодушие этой матери и интриговало и раздражало меня. Мне, в силу какого-то таинственного каприза, хотелось видеть слезы на ее глазах. Это ее равнодушие было неестественно, в то же время я видел, что она нисколько не сдерживает себя.

Мой вопрос заставил ее снова поднять глаза на меня. И молча, тщательно оглядев мою фигуру с головы до ног, она тихонько вздохнула и стала рассказывать задумчиво и ровно...

— А видите-ли, как это случилось.

Отец-то его в тюрьме сидел года полтора за растрату казенных денег, и в это время мы все достатки свои и проели. Мало их было, достатков-то. И к тому времени, как выйти отцу из тюрьмы, я уж печку-то хреном топила. Подарил мне огородник один воз негодного хрена — я его высушила, да пополам с кизяками и жгу. Угарно. И от варева — запах. Колюшка учился в ту пору. Бойкий он был... и домовитый. Идет бывало из училища — щепку, полено где увидит, сейчас подмышку его и домой. Да... Весна была, таяло уж, а сапожнишки-то у него еще валяные были. Бывало, намокнут... Снимет он их, а ножонки-то кра-асные. В эту самую пору отца из тюрьмы выпустили и привезли на извозчике домой. Паралич его разбил в тюрьме-то. Лежит это он, улыбается таково кисло, а я стою над ним и думаю: чем я его-то еще, погубителя моего, кормить буду? Так бы в лужу на улицу и вышвырнула. А Колюша-то смотрит и плачет. Побледнел весь, смотрит на отца, а по щекам-то слезы крупные-крупные — так и бегут. «Мамочка, говорит, что это он?» «Дожил» говорю... Да. И пошло с этого дня. И пошло-с. Мечусь я, как угорелая, а больше двадцати копеек, да и то в счастливый день, достать не могу... Смерть моя... хоть руки на себя наложить. А Колюша-то смотрит... и такой темный становится... Как-то не стерпела я... «Окаянная жизнь, говорю... издохнуть бы... А то помирали бы хоть вы который»... Это на них я, на отца-то с Колюшей... Отец-то кивает головой: я, дескать, скоро умру, не ругайся, потерпи. А Колюша... посмотрел на меня, да и ушел и ушел из дому-то. После опомнилась я... ну, опоздала уж. Опоздала, да. Потому что часу, сударь вы мой, не прошло с той поры, как он, Колюша-то, ушел, является полицейский на извозчике. «Вы госпожа Шишенина?» Я уж сразу почуяла несчастье... «Пожалуйте, говорит, в больницу—сына вашего, говорит, лошади купца Анохина зашибли...» Поехала я в больницу. На пролетке-то точно на раскаленных гвоздях сижу. Думаю про себя — окаянная ты женщина, анафема! Приехали. Лежит он, Колюша-то, обвязанный весь. Улыбается... и слезы у него из глаз текут... Тихонько так шепчет мне: «Мамочка, простите! Деньги у околоточного».

«Какие говорю, Колюша, деньги, бог с тобой?!» — «А те, говорит, деньги, которые публика мне набросала и Анохин дал...» «За что? «А вот, говорит, за это...» и застонал он, тихонько так. Глазки-то большие у него... Я говорю: «Колюшенька, да как же это ты, батюшка, не видал?»... А он, — сударь вы мой, ясно таково и говорит мне: «И видел я ее... коляску... да... мне не хотелось уйти-то. Я думал — коли раздавят — денег дадут... И дали...» Вот... так он сказал... Поняла я, уразумела его, ангела, но поздно. Поутру он и скончался... В памяти скончался. Говорил все: «Мамочка, купите, говорит, папе того-то, и того-то и себе, говорит, купите...» Денег, дескать, много. Денег, действительно, сорок семь рублей было. Ходила я было к Анохину, но он дал пятишницу и ругается. Мальчишка, говорит, — все это видел, — сам под лошадей бросился, а ты ходишь клянчишь.

Я уж и не пошла больше. Вот как все это случилось, сударь вы мой.

Она замолчала, такая же равнодушная и сухая, как и до своего рассказа.

На кладбище было тихо и пустынно; кресты, чахлые дерева между ними, холмики земли и равнодушная женщина, сидевшая в скорбной позе на одном из них, — все это напоминало о горе людей и о смерти.

А безоблачное небо было ясно и изливало сухой зной.

Я достал из кармана сколько-то денег и протянул их этой еще при жизни омертвевшей от несчастий женщине...

Она кивнула головой и странно медленно сказала мне:

— Не беспокойте себя, сударь мой, у меня на сегодня хватит... Мне ведь немного надо, одна я... теперь уж. Один человек на свете... И, глубоко вздохнув, она снова плотно сжала свои тонкие, искривленные скорбью губы.

«Самарская газета» 1895 г. № 186.

РУКОПИСИ И ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО

В феврале текущего года ЦИК СССР вынес постановление об организации Архива А. М. Горького — специального учреждения, ведающего всем рукописным наследием великого пролетарского классика.

За четыре месяца существования Архив проделал большую работу. Собрано около **45.000** автографов и различных документов, имеющих непосредственное отношение к жизни и творчеству Горького.

В настоящее время в доме № 25 по улице Воровского оборудуется помещение для Архива. Временно все документы находятся в сейфах Всесоюзной ленинской библиотеки.

Бережно, в особых папках, в несгораемых шкафах хранятся рукописи Алексея Максимовича, его письма, книги, а также рукописи писателей с горьковскими пометками и поправками. Тут же — архивные дела царской охранки, донесения жандармских управлений, протоколы и переписка цензурных комитетов о различных произведениях автора «Песни о соколе».

Особый интерес представляют рукописи художественных и публицистических произведений. Их в Архиве свыше **1000**.

Беловые и черновые рукописи, гранки с горьковской правкой дают представление о той огромной работе, которую проделывал великий художник над каждым своим произведением.

Добиваясь простоты и четкости языка, ясности мысли, Горький по нескольку раз переписывал отдельные места, исправлял предложения, заменял одни слова другими, более точными и яркими. Порою писатель вносил существенные исправления в уже опубликованные вещи.

Среди рукописей, собранных Архивом Горького, — много неизданных его произведений: несколько сценариев, рассказы «О комарах», повесть «Публика», пьесы «Сомов и другие» и «Кулак». Недавно поступила рукопись неизвестного до сих пор варианта пьесы «Дети солнца».

Очень интересен неопубликованный памфлет «Конституция» (1905 г.), написанный в форме пьесы. В нем действуют: реакционная газетка «Московские ведомости», либеральная газета «Русские ведомости», Витте, Милюков и др. Метко и зло высмеивает Горький «конституционные иллюзии» русской буржуазии.

Из эпистолярного наследия А. М. Горького собрано уже свыше **3000** писем.

Они адресованы комсомольцам и старым членам партии, беспризорникам, учителям, матросам, агрономам — людям самых различных профессий и возрастов. Много писем к писателям — Ромэн Роллану, А. П. Чехову, Елпатьевскому, А. И. Куприну, В. Брюсову, С. Под'ячеву, А. Луначарскому, В. Короленко, А. Макаренко, Вс. Иванову и мн. др.

В своих письмах Алексей Максимович выступает страстным и требовательным художником, заботливым и внимательным человеком, чутким товарищем и другом, тонким психологом — подлинным знатоком человеческих душ.

Архив хранит также письма к Горькому. Их очень много. Ведь только с 1928 г. Алексей Максимович получил по неполным данным более **27.000** корреспонденций со всех концов земного шара.

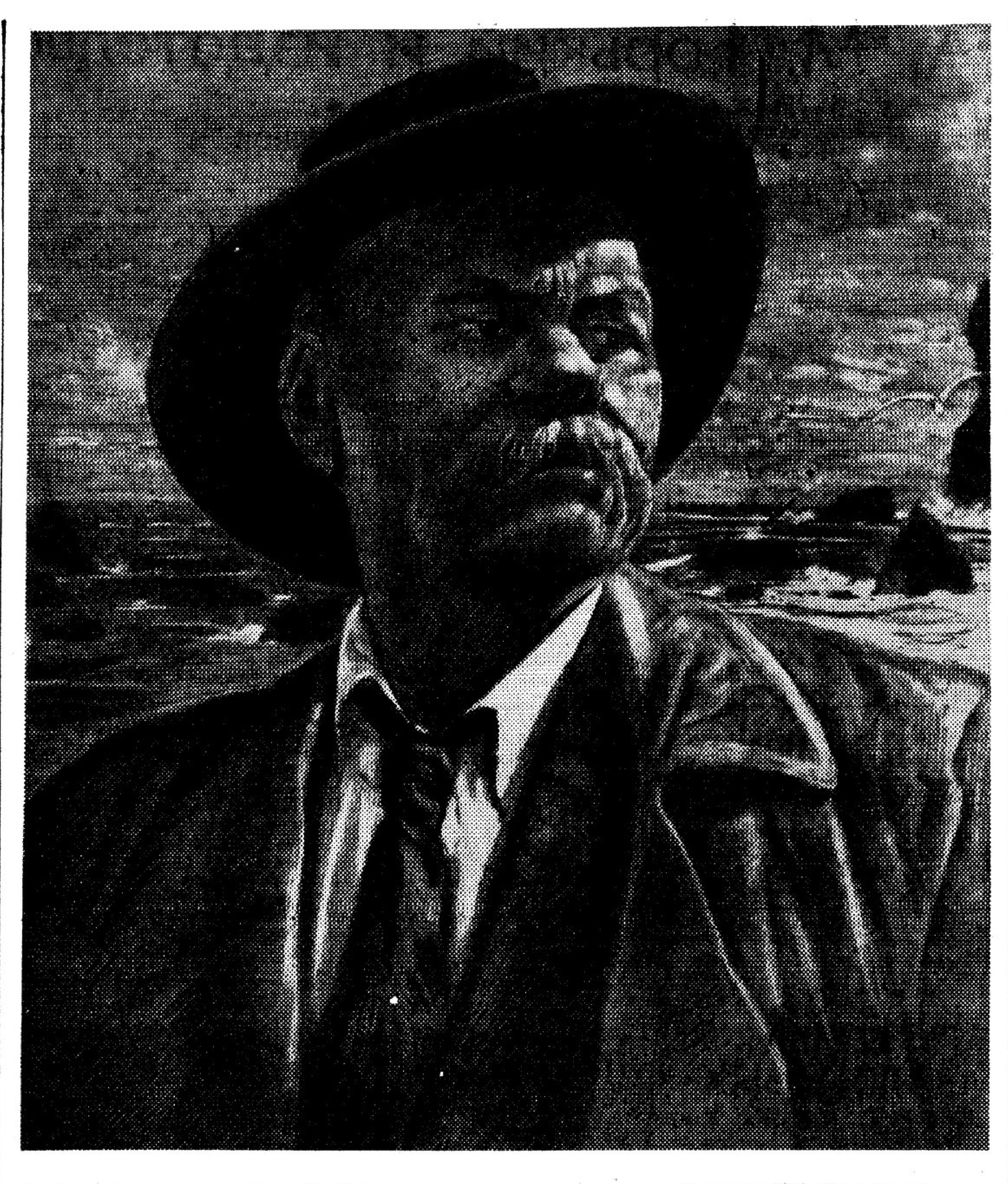
★

Горьковские материалы попадают в Архив различными путями. Многие письма и рукописи передают частные лица. Но большая часть материалов поступает в Архив из музеев и государственных книгохранилищ.

Сотрудники Архива неутомимо разыскивают горьковские автографы.

Не так давно они буквально спасли от гибели большое собрание рукописей Горького, находившееся в подвалах Огиза.

Бывший руководитель Огиза, двурушник и предатель Томский, абсолютно не интересовался тем, как хранятся в огизовских архивах рукописи великого писателя. Больше того — он распорядился сдать их «в макулатуру». Лишь случайно эти бесценные материалы были спасены от гибели.

М. Горький — портрет работы И. Бродского. (Выставка ВТО «Горький и театр»).

История с вами, товарищи!

Речь А. М. ГОРЬКОГО на торжественном заседании пленума Тбилисского совета 27 июля 1928 г. *)

Товарищи! Меня сегодня назвали счастливым человеком. Это правильно, перед вами действительно счастливый человек, человек, в жизни которого осуществились лучшие его мечтания, лучшие его надежды. Смутные мечтания, может быть, неясные надежды, может быть, но это именно те надежды, те мечтания, которыми я жил.

Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, тем, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так преувеличенно чтите, которого так любите, заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, — понял величайшее значение труда, труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире.

Здесь было сказано также, что природа наделила меня каким-то особенным свойством. Я не думаю этого. Я думаю, что я родился таким же точно, как каждый из вас. Я полагаю, что это так. Я думаю, что той природы, в которой очень много красоты, природы, которой мы восхищаемся, которую изображаем словами, красками, в музыке, в культуре, — этой природы в моих мечтах нет. Эта природа мучила нас то зноем, то холодом, то голодом, то болезнями. Вы подумайте, сколько в этой природе врагов наших, всевозможных стихийных сил. Если вы вдумаетесь в это, вы согласитесь со мной. Ведь хлеб, который сеет крестьянин, он сплошь порастает паразитами, вроде красивых васильков, пьющих соки, которые должны питать ячменное зерно.

Я, товарищи, как и вы все, конечно, восхищаюсь этой природой, но для меня роднее этой природы та природа, которую я чту и уважаю, и скажу даже ныне отвергнутым словом — свято чту и уважаю. Это та природа, которая создана руками человека. Это та вторая природа, которую мы, люди, творим на земле.

Товарищи, я каким-то образом понял это очень рано и не из книг. В свое время, лет так до 23—24 или 25, я жил такой же трудовой жизнью, как все рабочие люди моей эпохи, моего поколения. Мне приходилось испытывать то же самое, что и вам, бороться с теми же самыми паразитами в природе, с тем же голодом и холодом.

Товарищи, то, что делает человек, значительнее всего того, что делает природа, которой мы обязаны только тем, что она производит нас на свет. Да, она нас производит, а все остальное — от нас. Все, что мы делаем для нашего удобства, все материальные ценности, которые помогают нам жить, все машины, которые облегчают труд рабочего, — все это делается руками человека.

Это — труд человека, это — наше создание, это мы творцы второй природы.

И вот мы, творцы второй природы, теперь, когда рабочий класс в Союзе Советских Социалистических Республик взял власть в свои руки, когда он взял в свои руки орудия производства, стали полными хозяевами страны.

Теперь рабочий класс, умевший побеждать столь многое, вне всякого сомнения, бесспорно сумеет устроить ту идеальную, справедливую, красивую жизнь, которую он давным-давно заслужил, на которую он имеет право.

Вот, товарищи, те думы, те настроения, та сила, которые всю жизнь держали меня на ногах. Держали, держат и будут держать до конца моих дней.

Я говорю, товарищи, что вовсе не важен тот факт, что Алексей Пешков стал вследствие каких-то особенных причин Максимом Горьким. Это не важно. Важна, товарищи, одна воля человека, направленная к цели.

Важно желание быть тем, чем хочет стать человек, свободно делать то, что хочет он. Как раз эти условия вам даны.

Я настойчиво повторяю еще раз, что я не родился с какими-то особенными задатками. Я говорю искренне и говорю это не в первый раз. В среде вашей, в лице вас есть много людей с гораздо более тяжелым прошлым, чем мое. В среде тех людей, которые строят сейчас новую культурную жизнь в Союзе Советских Республик, таких людей очень много. Это та старая гвардия большевиков, которая подняла величайший бунт, который когда-либо знал мир. Эти люди не хуже меня, они не родились, по моему мнению, с какими-то особенными способностями, данными им от природы, но они приобрели их в работе.

Товарищи, очень важно усвоить эту мысль. Человек может сделать для себя все, что он захочет, если он действительно только захочет, если вся воля его направлена к этой цели. Тогда он сможет, он сделает, он победит.

У вас, товарищи, совершенно другие условия, чем те, в которых жили люди моего поколения. Вами взяты основные силы, вы разорвали тяжелые цепи политического и экономического рабства. Вы уже свободные люди. Вам легко сейчас, товарищи, и на вас лежит прямая обязанность, которая в то же время является вашим правом, продолжать делать то, что вы делаете. Продолжайте делать это дружно, смело, не разбрасывайтесь, не разменивайтесь, подальше от старинки, от всего мелкого, такого злого, тяготеющего к душевному благополучию.

Рушится старый мир и рушится он всюду, во всех областях. У западной буржуазии осталась в руках только рабочая сила, которую она может эксплоатировать. Это не тот пролетариат, что вы, но тем не менее он прислушивается к тому, что вы делаете, и то, что вы делаете, он будет, он должен, он обязан делать так, как это диктует ему история, а история это такая сила, против которой не попрешь.

Мне хочется, товарищи, в этих неуклюжих, может быть, словах передать вам хотя бы часть той силы, той энергии, которыми вы, именно вы, заряжаете меня на протяжении тех двух месяцев, что я уже с вами. Вот за весь этот путь от Москвы к Эривани и обратно я живу вашей энергией, и вы это должны знать, должны это учесть. Вы должны понимать, что вы творите новых людей, вы сами — люди, создающие ту атмосферу, которая возбуждает и волю к жизни, и радость жизни, и желание работать. Это создает какое-то праздничное настроение, воплощает в жизнь наши мечты. В эти великие дни вы творите великое дело, и ваша работа имеет огромное значение не только для нас, но и для всего мира.

От Арарата до Мурмана и от Владивостока до Ленинграда, на этом огромном пространстве сейчас родился новый народ. Этот новый народ, эта великая сила — вы. Все, что сейчас творится, творится вами. Цель ваша ясна. На вас смотрит весь мир, к вам прислушиваются, у вас учатся. Вы победили и вы зовете к победам всех трудящихся мира.

Вот, товарищи, что вы такое! Вот, товарищи, ваша цель, вот та прекрасная жизнь, которую вы имеете перед собой!

Я могу, товарищи, только поздравить вас с тем, что вы таковы, каковы вы есть...

Я от всей души желаю вам, товарищи, внимательно вдумываться в работу каждого из вас, глубже ее ценить, помнить каждый момент, что вы творите великое, огромное дело, которого еще никто не делал. Удаляйте из вашей жизни все то, что мешает вам строить новую счастливую радостную жизнь.

История с вами, товарищи! История за вас, потому что вы — ее творцы.

Вот, что, товарищи я хотел вам сказать.

* В центральной печати публикуется впервые.

Два письма Горького с Капри

Публикуемые ниже два письма А. М. Горького относятся ко времени его пребывания на Капри в 1910—12 годах. В это время Алексей Максимович особенно интересовался лингвистической теорией литературы.

Так как я, бывший ученик Потебни, принимал участие в последнем издании его трудов, А. М. Горький и обратился ко мне с просьбой выслать ему книгу Потебни «Мысль и язык».

В. И. ХАРЦИЕВ.

Кирово (Украинское).

I

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ!

Примите искреннюю благодарность за драгоценную книгу Потебни, * — вы и представить себе не можете, как я обрадован, как тронут вашей любезностью! Я искал эту книгу четыре года,—не правда ли, «и грустно и смешно?» Статью Потебни «О доле и сродных представлениях и т. д.» искал два года, а нашел лишь у К. Ф. Сумцова!

Чудесная сторонка наша Русь!

Позвольте спросить вас: издана ли Историческая грамматика, когда, кем и где? Нет ли у Потебни статей аналогичных статье «О доле», не знаете ли вы других авторов, писавших о доле, судьбе, подсудебниках? Очень прошу вас ответить.

Я знаком с вами по двум статьям вашим в издании Леззина «Вопросы теории и психологии творчества», книге чрезвычайно интересной, и я ее постоянно рекомендую «начинающим» писателям.

Сообщите, сколько времени я могу держать у себя вашу книгу и не могу ли в свою очередь быть чем-либо полезным для вас?

А. ПЕШКОВ.

Капри 29/II — 12 г.

* «Мысль и язык».

II

Сердечно благодарен за хлопоты и заботы о нуждишках моих книжных, крепко жму руку, будучи весьма тронут любезным вашим отношением ко мне.

«Буслаева» я имею всего, статья его о «Горе-злосчастии» мне известна,— это не то, что нужно для моих целей.

Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле», и нет книги «Национальные представления славян о Доле и Судьбе», или иной какой-то заголовок.

Надо бы нам заняться изучением корней психики и мироощущения народа-то нашего.

Еще раз спасибо вам!

А. ПЕШКОВ.

М. Горький

Ма-аленькая!..

«...И была она, браток, телом-то ма-аленькая!..»

Каждый раз, как я вспоминаю эту фразу, из дали прошлого мне улыбаются две пары подслеповатых старческих глаз, улыбаются такой тихой, ласковой улыбкой любви, сожаления, и в ушах звучат два надтреснутых голоса, одинаково характерно подчеркивавшие то обстоятельство, что «она» была маленькая!..

И мне делается так хорошо и легко от этого воспоминания, лучшего за все десять месяцев моего хождения пешком по кривым дорогам нашей родины, такой большой и такой печальной...

✵

По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомольцев — старика и старуху. Обоим им с виду было лет полтораста; они шли так медленно и неумело, тяжело двигая ступни по горячей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издалека.

— Из Тобольской губернии шагаем... со господней помочью! — подтвердил старик мое предположение.

А старуха на-ходу ласково оглянула меня добрыми, когда-то голубыми глазами и, добродушно улыбаясь, добавила, вздыхая:

— Из самого Н-ского заводу, деревеньки Лысой будем мы с отцом-то!

— То-то, чай, изустали?

— Мы-то? Ничего! Пока двигаемся... ползем божьей милостью!..

— По обету, что ли, али так, старости ради?

— По обету, браток... Обещанье, значит, дали киевским и соловецким угодникам божиим... Да...—снова подтвердил старик. — Мать! посидим, вздохнем маленько? — обратился он к спутнице.

— Ну, что ж? — согласилась та.

И вот мы сели в тень от старой придорожной ветлы. День был жаркий, небо безоблачно, впереди и сзади нас извивалась дорога и уходила в дали, завешанные знойной мглой. Кругом было пустынно и тихо. По оба бока дороги неподвижно стояла чахлая рожь.

— Высосали землю-то! — сказал старик, подавая мне несколько сорванных колосьев.

Мы заговорили о земле и о жесткой зависимости от нее крестьянской судьбы. Старуха слушала нас и вздыхала, порой вставляя в наши речи хорошее, опытное слово.

— Кабы жива была она, сколько бы нанудила сердечко свое на таком-ту поле! — вдруг сказала старуха, оглянувшись вокруг на полосы низенькой, выгоревшей ржи, испещренные плешинами.

— Да-а! уж порадела бы... — качнул головой старик.

И оба они вдруг замолчали.

— О ком это вы? — спросил я.

Старик добродушно улыбнулся.

— Тут... вспоминаем об одной...

— Стоялка наша была... барышня... — вздохнула старуха.

И вдруг оба они, глядя на меня, точно сговорясь между собой, протянули медленно и жалостно в унисон друг другу:

— Ма-аленькая така была телом-ту!..

Это было странно, и очень больно резнуло меня по сердцу. Нечто заупокойное звучало в их старых голосах... А они вдруг, торопясь и перебивая друг друга, стали рассказывать так быстро, что мне, сидевшему между ними, оставалось только поворачивать голову от одного рассказчика к другому.

— Привез ее к нам урядник и сдал, значит, старосте. Определи ее на постой, — говорит...

— На кватеру, стало быть, кому-нибудь! — пояснила старуха.

— Ее к нам и определили.

— Глядим — красная вся... дрожит с холоду-то...

— А сама така ма-анинькая...

— Аж в слезы мы...

— Господи, думаем, куда ее таку заслали?

— На какую ее потребу? За каку таку провинность?

— А она, слышь ты, отколе-то отсудова...

— Из России, стало быть...

— Мы ее первым делом — на печь...

— Печь-то у нас бо-ольша, да те-епла, — сокрушенно вздохнула старуха.

— Ну, потом, значит... кормить ее!

— Смеется!

— Глазенки-то черные, как у мыша.

— И вся-то она, как мыша... гладка да кругла...

— Отдышалась... плачет. Спасибо, говорит, родимы!

— И учала вертеть!!!

— Уж и начала же! — с восхищением выкрикнул старик и засмеялся, сощурив глаза.

— Катается тебе по избе-то, как клубок, и гоношит и гоношит... И то, и это... и то поставит так, и это эдак... Лохань с помоем вон, свиньям, говорит, тащите... Да сама ее и хвати рученками-то, да осклизнулась... да по плечи руки-то в по-омои-то будух! Ах, ты...

И оба они засмеялись, задыхаясь и кашляя до слез.

— Поросята опять же...

— Целует их прямо в рыла!

— Невозможно, говорит... Вон поросев!

— В неделю умучила вот как!

— В пот, бывало, вгонит...

— Хохочет, кричит, ноженками топат...

— А то вдруг потемнится вся, заробеет...

— Как умрет!

— Да в слезы... Уж ревит, ревит, так это ее сподымя бьет. Кружишься, кружишься, около-то ее... Чего ей? Непонятно... Хоть сама плачь. И плачешь, бывало... не знай о чем. Обоймешь ее, да и зальешся вместе...

— Известно... дите как бы...

— А живем-то мы одни. Сына в солдаты сдали, а другой на золотых промыслах...

— А ей осьмнадцатый, кажись, годок...

— Какое! С виду ежели давать, никак не больше двенадцати...

— Ну, уж ты больно!.. двенадцати! тоже!..

— А больше — скажешь? как бы!

— Чего! Девица она была сочная. А што малоросла, так это рази что в упрек ей?

— А я в упрек говорю? эко!

— То-то! — добродушно уступила старуха.

Поспорив, старики оба и сразу замолчали.

— Ну, а что же дальше? — спросил я.

— Дальше? — ничего, браток! — вздохнул старик.

— Умерла она... Огневица ее изожгла, — и по морщинистым щекам потекли две слезинки.

— Да-а, брат, умерла... Два годочка только с нами и пожила... Вся ее деревня знала. Чего вся деревня! Многие знали. Грамотейка была. На сходы хаживала. Кричит себе, бывало... Ничего, умница!

— Главное дело — душа! Ах, какая душа ангельская! Все-то до нее доходило, все-то ее сердечушко ведало! Барышня ведь как есть городская, в бархатной кофточке... ленточки... башмачки... книжки читает и все это, а крестьянство понимала, ах, как просто! Все знала! Откуда только ты это, милушка? — В книжке, говорит, прописано! Ну-ну уж! Чего бы ей это, зачем? Замуж бы вышла, барыней была, а тут вот заслали и померла...

— И чудно! Учит всех... така-то маниныкая!.. Да всех это так сурьезно... То не так, друго не так...

— Грамотница... что толковать... Раделица про все, да про всех... Где кто болен, — бежит, где кто...

— Умирала-то без памяти... бредила только. «Мама, — говорит... — мама!» Жалостно таково... Поехали было за попом, может, мол, придет в себя... А она, милушка, не подождала, скончалась...

По лицу старухи текли слезы, и мне было так хорошо, точно это обо мне плакали...

— Вся деревня собралась к нам... Толкутся на улице и на дворе... Как? Как? Все ее любили, души не чаяли в ней...

— Эх, девчурочка была золотая!.. вздохнул старик.

— Всем миром и похоронили... А потом к масляной сорок ден вышло, и сообразились... айда-ка, мол, помолимся за нее! И суседи тоже... чего вы, говорят, и в самделе? Идите-тко! Люди вы, значит, свободные, не рабочие... А ей авось зачтется. Мы и тронулись.

— Так это вы за нее? — спросил я.

— За нее, девочку, родной, за нее! Авось, мол, господь-бог батюшка примет нашу грешну молитву, простит ей. И пошли вот на первой поста, как раз во вторник вышли...

— За нее! — повторил я.

— За нее, друг! — подтвердил старик.

Мне хотелось еще много раз слышать, что именно, желая помолиться за нее, они прошли тысячи верст. На мой взгляд это было так хорошо, что казалось неправдоподобным. Я подсказывал им другие побудительные причины, желая еще более убедиться, что они пошли именно «за нее», маленькую девочку с черными глазами. И к великому моему удовольствию, я, наконец, убедился в этом.

— Неужто пешком все идете?

— Нет, куда нам! когда и присядем. Поедем с денек, а потом опять трудимся помалу. Стары уж больно мы пешком-то все итти... Господь видит, стары... Кабы нам ее ножки, то ну, так ино дело!

И оба они опять вперебой принялись говорить о ней, маленькой девочке, заброшенной судьбой далеко от дома и мамы и умершей от огневицы.

✵

Часа через два мы встали и пошли. Я думал о маленькой девочке, но не мог представить ее себе... и мне было до боли обидно это бессилие воображения...

Скоро нас догнал украинец на телеге. Он меланхолично оглянул нас и, приподняв шапку на наш поклон, крикнул старикам:

— Садитесь, подвезу до деревни!

Они сели и исчезли в облаке пыли. Я долго шел в нем и смотрел, как вдали исчезала телега, увозя стариков, прошедших многие тысячи верст, чтобы помолиться о маленькой девочке, которая заставила их полюбить себя...

Рассказы «Ма-аленькая!..» и «Колюша» были напечатаны в «Самарской газете» в 1895 г. Они не вошли ни в одно собрание сочинений А. М. Горького. Оба рассказа будут напечатаны в сборнике «Горький в Самаре» (из-во «Советский писатель»).

ГОРЬКОВСКАЯ ФОТО-ВЫСТАВКА

Издание Института литературы Академии наук СССР

Литературный музей Института литературы Академии наук СССР выпустил из печати фотоснимки и текстовые материалы для организации и оформления массовых выставок **«М. Горький. Жизнь и творчество».**

Фотоматериал дает представление о творческом пути великого пролетарского писателя, начиная с периода его работы в «Нижегородском листке» и «Самарской газете» и кончая «Жизнью Клима Самгина».

В ряде фотодокументов показаны: участие Горького в подпольной большевистской печати, его деятельность как организатора литературного движения и его интенсивная редакторская работа.

В СОВЕТСКОЙ МОЛДАВИИ

Общественные организации, предприятия и колхозы Советской Молдавии деятельно готовятся к годовщине со дня смерти А. М. Горького.

Литературные кружки проводят массовое изучение произведений великого русского писателя. Десятки драмкружков включились во всесоюзный конкурс на лучшую постановку пьесы М. Горького.

Госиздат издает на молдавском языке «Мать» Горького, тиражом в 4 тысячи экземпляров и сборник его рассказов — 3 тысячи экземпляров.

Редакция журнала «Октомбрие» выпускает специальный номер, в котором, помимо статей и рассказов М. Горького, будут напечатаны воспоминания о нем молдавских писателей.

18 ИЮНЯ—ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА СО ДНЯ СМЕРТИ А. М. ГОРЬКОГО

Горький в Самаре

Весной 1895 года в редакции «Самарской газеты» появился новый сотрудник.

Это был «совсем молодой человек — вспоминает о нем бывшая заведующая редакцией газеты Е. Иванова.— У него было простое, не очень красивое, скуластое лицо с чуть-чуть пробивающимися светлыми усиками. Одет он был как-то странно — на нем черная широкая рубаха, какие носили волжские грузчики, широкий кожаный кушак. Брюки заправлены в порыжелые сапоги».

Вновь прибывший отрекомендовался Алексеем Максимовичем Пешковым. Он быстро освоился с редакционной обстановкой, быстро сошелся с людьми и скоро его окающий басовитый говорок оказался ведущим в хоре голосов работников «Самарской газеты».

В Самаре Горький прожил около 16 месяцев. За это время он напечатал в «Самарской газете» свыше трехсот обзоров, статей и фельетонов, подписывая их хлестким и смешным псевдонимом «Иегудиил Хламида».

Фельетоны Хламиды были необычайно популярны среди самарцев. Метко и зло бичевал в них Горький «отцов города», эксплоататоров-хозяйчиков, обывательские мерзости, безобразия городской думы. От внимательного, пытливого взора художника не ускользали ни одна мелочь, ни одно происшествие самарской жизни.

Помимо фельетонов Горький печатал в газете рассказы и очерки о босяках, об угнетенных, задавленных царским строем людях («Два босяка», «Ма-аленькая», «Колюша», «О том, как поймали Семагу»). И в фельетонах, и в рассказах Горький выступал пламенным выразителем воли и чаяний широких народных масс. Не удивительно поэтому, что каждая новая вещь Хламиды вызывала бурю негодования в городских «верхах». «Обиженные» поднимали вой, искали по городу автора, чтобы расправиться с ним, а губернатор вызывал к себе редактора Костерина и «делал ему внушения».

Цензура особо тщательно просматривала горьковские материалы. Придиралась к каждому слову, выражению Порою до неузнаваемости искажала текст.

Рабочий-печатник И. И. Горячкин рассказывает, как возмущали Горького цензорские придирки: «Однажды Алексей Максимович просматривал гранки газетных материалов, принесенных от цензора. Цензорский карандаш разгулялся во-всю, и целые статьи были из'яты и перечеркнуты. Горький, взбешенный цензорским произволом, размахнулся и швырнул папку гранок на голландскую печь в помещении типографии. В это время начиналось гулянье, и Алексей Максимович ушел в Струковский сад.

Он пробыл там очень долго, а в редакции и типографии началась паника. Цензорский экземпляр гранок исчез, и номер нельзя было выпускать. Я сбился с ног в поисках их, наконец, кто-то сообщил, что видел гранки в руках Горького.

Я с корректоршей Е. П. Волжиной бросился в сад. С трудом мы отыскали Горького, окруженного тесной толпой друзей-рабочих, и узнали о судьбе злополучных материалов».

Горький жил в Самаре под двойным надзором: произведения его контролировала цензура, жизнь же писателя, его встречи и поступки были под неустанным наблюдением самарской жандармерии. Слежку за Горьким жандармы установили еще до его приезда в Самару Писатель был еще в пути, а нижегородское жандармское управление уже «любезно уведомляло» своего самарского собрата: «Мещанин Алексей Максимович Пешков выбыл из города Нижнего-Новгорода в г. Самару».

Жандармам было отчего беспокоиться. Переехав в Самару, писатель не только не «смирился», а, наоборот, все больше и больше развивал свою революционную деятельность. Он сплотил вокруг себя большую группу рабочих, принимал деятельное участие в организации «общества книгопечатников», дружил с революционно-настроенными жителями города, словом, вел себя, с точки зрения жандармского управления, крайне подозрительно.

«Горький был лучшим нашим другом, — пишет И. И. Горячкин. — Он беседовал с нами, заходя в типографию, с ним проводили мы за городом маевки. Мы тянулись к нему, чувствуя в нем не только талантливого писателя, но и родного, близкого нам человека.

Владелец типографии Жданов частенько задерживал выплату нам заработной платы. Помню, однажды он не заплатил за целый месяц. Горький, узнав об этом, роздал почти все имевшиеся у него деньги наиболее нуждающимся рабочим. Жданов косился на него за это, и когда такой же случай повторился, пошли слухи, что хозяин грозил ему судом».

Активное участие принимал Горький в создании «Общества взаимопомощи книгопечатников». Писатель непосредственно руководил выработкой устава этого общества.

Рабочий-печатник Г. Борисов вспоминает:

«Было проведено много заседаний, из которых Горький не пропустил ни одного и никогда не опаздывал. Много ценного мы, рабочие, услыхали тогда от А. М. Горького, пока обсуждали устав.

Устав был выработан и послан куда следует. Два раза возвращали нам его, предлагая изменить тот или другой пункт. А. М. Горький с глубоким возмущением встречал каждое требование полицейских властей об изменении устава. Скрепя сердце, вносили мы в устав один за другим те пункты, которые навязывали нам «власти предержащие».

Наконец, после почти целого года мытарств по канцеляриям губернатора и министерства, устав был утвержден. Организацией «Общества взаимопомощи книгопечатников» мы были обязаны только трудам нашего великого пролетарского писателя-революционера А. М. Горького.

Правда, это была не чисто рабочая организация. По требованию властей в эту организацию мы обязаны были принимать на равных правах с рабочими также и владельцев типографий и чиновников. В качестве почетных членов полиция предложила нам избрать губернатора и архимандрита.

Но мы достигли главного, как об'яснил нам Алексей Максимович, — мы получили свою организацию. А организованный рабочий, как часто повторял Алексей Максимович, это огромная сила.

Мы получили возможность собираться и обсуждать те вопросы, которые волновали нас. Конечно, приходилось делать все осторожно: неровен час, нагрянут «почетные члены» общества. Но когда мы были уверены, что полиция далеко, мы поднимали такие вопросы, которые вовсе не предусматривались уставом общества. Мы толковали о хозяйских придирках, о царском произволе, мечтали о будущей, лучшей доле. Я не ошибусь, если скажу, что многие печатники—члены этого общества впоследствии являлись застрельщиками революционной борьбы самарского пролетариата...»

Загруженный сверх меры ежедневными редакционными делами, Горький находил время и для самообразования. По свидетельству А. Треплева молодой писатель уже тогда удивлял самарцев своей начитанностью. Он превосходно знал «Байрона, Шиллера, Гете, Шекспира, Диккенса, Теккерея, Мопассана, Гюго, Достоевского; любил на память цитировать отрывки из Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Полежаева...

Есть упоение в бою.
И бездны мрачной на краю!...

— Вот! — многозначительно подымался указательный палец.

Кроме широко популярных классиков, — вспоминает А. Треплев, — до юного самоучки уже совсем непостижимым путем доходили произведения авторов, известных в то время в нашем обществе только любителям литературы».

Все приведенные нами факты из самарской жизни Горького взяты из готовящегося издательством «Советский писатель» сборника «Горький в Самаре». В нем собраны лучшие рассказы, очерки и фельетоны писателя, опубликованные в 1895—96 годах в «Самарской газете». Они ни разу не переиздавались.

Большую ценность представляют воспоминания о Горьком бывших самарских друзей и знакомых писателя, посвященные тому периоду творчества великого пролетарского классика, когда им были созданы «Песня о соколе», рассказы «Гость», «На плотах» и другие замечательные произведения.

Приходится только пожалеть, что эта нужная и интересная книга не выйдет к первой годовщине смерти писателя. Рукопись «Горький в Самаре» только на-днях сдана издательством в типографию.

В. АНОВ

Горьковские дни на Украине

(От наших корреспондентов)

Секретариат ССП Украины в ознаменование первой годовщины со дня смерти основоположника пролетарской литературы А. М. Горького возбуждает ходатайство о переименовании **Козылецкого района**, где великий писатель бывал при посещении Украины, в район им. Горького.

15 июня союз организует литературный митинг памяти Горького, на котором с докладом о творчестве А. М. Горького выступит доктор литературоведения проф. Белецкий.

В местах пребывания Горького на Украине, в частности — в с. Маниловке Козылецкого района и др., состоятся собрания, посвященные памяти великого писателя.

Радиокомитет организует выступления у микрофона киевских писателей.

18 июня на киевских заводах и предприятиях состоятся вечера, посвященные памяти великого писателя.

Прессфототрест выпустил альбом, состоящий из 50 фотомонтажей, отображающих жизнь и творчество А. М. Горького.

Гослитиздат сдал в печать трилогию А. М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Тираж—20 тысяч экземпляров.

★

Харьковская государственная библиотека им. Короленко открывает выставку памяти великого писателя. Особый раздел ее посвящен теме «Ленин и Сталин — о Горьком».

Читатели библиотеки харьковского завода им. Коминтерна готовятся отметить первую годовщину смерти великого писателя «горьковской конференцией». 100 рабочих завода готовят специальные темы, в частности: «Горький — коммунист и борец с фашизмом», «Пролетариат в произведениях Горького» и др. Произведения Алексея Максимовича пользуются особенной любовью у читателей заводской библиотеки — свыше 6000 рабочих завода прочитали произведения Горького. — Рабочий цеха № 100 т. Кузьменко провел литературный вечер с молодежью поселка им. Артема, прочитав доклад «О жизни и творчестве М. Горького».

★

Колхозники Украины проявляют значительный интерес к произведениям А. М. Горького. Передвижные библиотеки **Конотопского района Черниговской области** организуют коллективное чтение произведений Горького в колхозных бригадах. Районные и колхозные библиотеки области устраивают выставки, посвященные жизни и творчеству великого писателя.

Литературно-художественные вечера и выставки памяти А. М. организуются **в Винницкой области** — в Бердичеве, Каменец-Подольске, в Могилев-Подольском и др. В пригородных колхозах и на городских предприятиях проведены лекции на темы «Горький и мировая литература», «Горький — мастер литературного художественного слова», «1905 год в произведениях Горького» и др.

О готовящихся литературных вечерах и лекциях памяти великого писателя сообщают и из других областей Украины.

А. М. Горький и издательское дело

Н. НАКОРЯКОВ

В течение всей своей многогранной, кипучей жизни А. М. Горький активно участвовал во многих издательских делах. В мировой литературе нет примеров такой активности великого писателя в деле создания книги. Это, очевидно, вытекало из его взглядов на роль писателя-борца, это вытекало из его взглядов на книгу как на сильное орудие в борьбе за новую человеческую культуру, за освобождение трудящихся от гнета капитализма.

Горький горячо, страстно любил книгу. Это нашло отражение и в его художественном творчестве: в ряде рассказов и особенно в романе «Трое» он дает волнующие страницы о роли книги в формировании человеческого сознания.

Он любил книгу и как произведение высокой издательской культуры. Получая образцово, мастерски изданные книги, он горячо откликался не только письмами к издателям, но и к рабочим коллективам.

У меня сохранилось письмо А. М. Горького к рабочим типографии «Красный пролетарий» по поводу издания его избранных рассказов к сорокалетию литературной деятельности с иллюстрациями Петрова-Водкина.

Вот это радостное, теплое письмо:

«Товарищи!

Получил Ваш подарок— отлично сделанную Вами книгу моих рассказов. Подарком этим сердечно тронут и горжусь. Вышло так, как будто вы внучат моих празднично одели да и пустили гулять в люди, дескать: вот, граждане, как мы, полиграфы, побаловали старика Горького. Очень хорошо сделана книга. Почаще бы так-то! А то иной раз кажется, что у нас разучились книги издавать.

Сердечное спасибо вам, товарищи, за подарок!

М. Горький.

11/X—32 г.
Москва».

Между прочим в этом письме чрезвычайно характерны слова: **«...А то иной раз кажется, что у нас разучились книги издавать...»**

На эту тему А. М. вел многократно с нами, издателями, горячие разговоры и споры, показывая образцы искусства издания книги и часто гневно требуя более глубокой, более совершенной работы над книгой.

Постоянное, инициативное участие А. М. в издательских делах проходит через всю его жизнь. В этом направлении общеизвестна его организующая роль в создании и руководстве писательского изд-ва «Знание». Не так известно, но не менее активно его участие в осуществлении издания ряда партийных журналов в период после 1905 года.

Переписка В. И. Ленина с Горьким не раз касается вопросов издательских планов и их практического осуществления. Но особенно активной становится деятельность А. М. в больших издательских мероприятиях после Октября. Он организует и руководит лично издательством «Всемирная литература», он создает грандиозный план издания библиотеки «Русская классическая литература». Интереснейшая записка А. М. по этому вопросу опубликована была в «Красном архиве» за 1937 г.

В последние годы А. М. Горький был инициатором-вдохновителем таких грандиозных изданий, как «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Люди двух пятилеток». Он же первый подал мысль и набросал план «Библиотеки исторических романов», по его почину создана и издается «Библиотека поэта»; до сих пор так и остается еще неосуществленным его же план серии научно-познавательных художественных произведений (повестей, романов, научных фантазий).

Инициатива А. М. в отношении издательских мероприятий была буквально неисчерпаема.

Но значительность таких начинаний не мешала А. М. относиться с величайшим, кропотливым вниманием ко всем нашим издательским планам, особенно к планам Гослитиздата.

Вот одно письмо А. М. Горького, адресованное мне по поводу плана Гослитиздата 1935 года:

«Я не представляю пределов, в коих окончательный план может быть изменен, да—мне кажется—что изменения и вообще невозможны, ибо все книги обусловлены договорами.

Меня очень удивили перечисленные на стр. 20 авторы:

Рихтер, Фильдинг, Гофман, Кальдерон, Шамиссо, а также Антология греческой лирики и Драмы Греции.

Мне кажется, что все эти авторы подлежат изданию в «Академии», некоторые из них уже имеются в ее плане, Греческая лирика—тоже. Откуда они попали к Вам?

Затем я полагал-бы, что, издавая «Кола Брюньон» Роллана, следует издать «Тартарена» Додэ и «Уленшпигеля» Де Костера—эти книги одинаковы по теме, одна дает бургундца, как национальный или племенной характер, две других—провансальца и фламандца.

На 15-й стр. указан «Чехов»—без автора, на 21-й «Чехов» Балухатого. Это—две разные книги?

По вопросу об издании «Словаря» Даля, я согласен с мнением Каринского; но не вижу—почему нужно исключить Бодуэна Куртенэ?

Поздравляю Вас с XVIII Октябрем, желаю здоровья и успеха в трудной Вашей работе. Крепко жму руку.

М. Горький.

7. XI. 34».

Перечитывая это письмо, удивляешься, как у величайшего писателя нашей современности хватало времени и внимания, чтобы уловить не только простые ошибки в тексте плана (двойное упоминание книги о Чехове), но и помнить то, что должен издавать Гослитиздат, «Академия». А. М. заметил и основной недостаток всех издательских планов— **зависимость их от ранее заключенных договоров.** В этом направлении он справедливо и не раз упрекал издателей: заключаете вы договора независимо от потребностей и интересов читателей...

В письме это сказано в виде сожаления, упрека. Но на страницах плана Алексей Максимович не стеснялся, ставил выразительные знаки своих сомнений. И это было настоящим руководством, обусловленным огромной любовью к художественной литературе, глубоким пониманием ее роли в деле развития социалистической культуры.

СЕМЬЯ ЗАЛОМОВЫХ

ЛЕНИНГРАД **(наш корр.)**. Книга М. Горького «Мать» по существу не окончена. Горький расстался с ее героями на рубеже революционных событий, и кто из читателей, взволнованно дочитывая последнюю страницу повести, не задумался: что сталось с героями, где они?

Герои книги живы. Жива главная героиня, Анна Кирилловна Заломова (Пелагея Ниловна), ей скоро исполнится 90 лет. Жив и сын ее Петр Заломов (в повести — Павел Власов).

В скором времени выйдет документальный звуковой фильм «Семья Заломовых». Зритель увидит живых ее героев и славное потомство Анны Кирилловны, большая часть которого — коммунисты, комсомольцы, пионеры и октябрята.

Уже близятся к концу кинос'емки, происходящие в г. Горьком, где живет сейчас Анна Кирилловна, в Судже, где живет сын Петр, и в ряде других городов, где работают ее потомки.

Июньские номера ленинградских журналов

Июньские номера ленинградских литературных журналов выходят с материалами памяти А. М. Горького.

«Звезда» печатает новые публикации: «Инсценировка истории культуры» и др.

«Литературный современник» открывает номер отрывками из IV тома «Жизнь Клима Самгина».

М. Горький в 1900 году.

Великий друг детей

Беседа с тов. С. Я. Маршаком

— Горький никогда не терял связи с детьми. В самые первые годы своей писательской славы он деятельно заботился о детях бедноты. То устраивал невиданную и небывалую елку на тысячу ребят, то придумывал и мастерил с помощью своей семьи самодельные иллюстрированные книги для деревенских школьников, наклеивая на чистые листы бумаги рисунки, вырезанные из журналов.

Но еще и до своей литературной известности Алексей Максимович отдавал ребятам много души. Прочтите для примера одно из его писем, в котором он говорит:

«Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка; маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку, — он умер; потом нянчил еще двух ребят и, наконец, когда мне было лет двадцать, я собирал по праздникам ребятишек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера. Это было славно, знаете ли. Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они уставали и часто, бывало, не могли итти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие, и я их превосходно тащил полем домой. Чудесно!»...

Таков был Горький всю жизнь. Среди писателей я не знал и не знаю ни одного, который умел бы так просто, любовно и уважительно относиться к ребятам, как относился он.

Алексей Максимович вел с детьми оживленную переписку, посылал им книги, находил для них учителей.

Помню, весной 1905 г. в Ялте он прислал ко мне двух стриженых босых мальчуганов и попросил учить их. Мне самому тогда было не слишком много лет — я учился в шестом классе гимназии.

Это было вскоре после освобождения Алексея Максимовича из Петропавловской крепости.

— Такие великолепные круглые затылочки, — восхищенно говорил он, рекомендуя этих мальчиков. — Вы представьте себе, приходят они ко мне вчера и спрашивают: «Вы Максим Горький?» — Я! «А вы можете нас учить?» — Чему?! — «Грамоте». — Ну, нет, говорю, я учитель плохой, в университете не был, а вот есть у меня, говорю знакомый гимназист — он человек ученый, уж я попрошу его поучить вас. Хотите?

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его заботы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он затевал издания книг для детей, составлял широкие программы выпуска лучших образцов классической литературы для юношества.

Но никогда мысли о детях не захватывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новый размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предложений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литературу — детям». Он говорил:

«У нас не создано, не написано для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны облегчать им постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разрушенной отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателя-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

В ответ на письмо Горького, появившееся в газетах, посыпались сотни и тысячи писем из самых отдаленных концов и углов нашей страны. Ребята писали просто, горячо и требовательно. Они называли книги и темы, указывали любимые жанры, говорили о том, каким должен быть язык детской книги.

Письмо Горького и ответы ребят — материал, драгоценный для литераторов и для педагогов. Это — небывалая перекличка крупнейшего писателя и деятеля литературы с младшими из читателей.

Горький радовался каждому письму. Потирая от удовольствия руки, он говорил:

— Отлично знают, чего хотят!

Многочисленные авторы писем — жадные и ненасытные читатели — должно быть напоминали ему его самого в том возрасте, когда каждая новая книга, попадавшая к нему в руки, казалась ему бесценным и таинственным кладом.

Горький никогда не забывал, чем была для него книга в юности, с каким трудом добывал он ее и как дорого платил за каждую прочитанную страницу.

На склоне своих лет он дождался великой радости. Заботу о книге для миллионов ребят взяла на себя партия большевиков и советское государство. Дело детской литературы — в надежных руках, в руках ленинского комсомола.

ЛЕНИНГРАД **(наш корр.)**.

ИЗ БЕСЕДЫ с А. И. КУПРИНЫМ

Впервые я встретился с Алексеем Максимовичем Горьким в гостях у А. П. Чехова. Было это в конце девяностых годов, точной даты не помню, по выходе в свет первых томов его сочинений в издании Дороватовского и Чарушникова.

Тогда же, прочитав эти книги, я предсказал автору шумный успех, который и не замедлил притти: Максим Горький через год уже был знаменитостью.

Я очень высоко ценил его ум и талант. Дружили мы с ним исключительно на литературной почве, о политике он со мной никогда не говорил — не считал меня, видно, серьезным в этом деле.

А. М. Горький был трогательным товарищем по литературе, умел вовремя поддержать, подбодрить.

Помню, я много раз бросал «Поединок», мне казалось — недостаточно ярко сделано, но Горький, прочитав написанные главы, пришел в восторг и даже прослезился. Если бы он не вдохнул в меня уверенность к работе, я романа, пожалуй, своего так бы и не закончил.

Работать с Алексеем Максимовичем было легко и приятно.

Создав «Всемирную литературу», он очень заботился о писателях и старался каждому дать работу. Мне он поручил написать предисловие к собранию сочинений Дюма-отца на русском языке, что я и сделал.

Алексей Максимович прочитал, улыбнулся и сказал: «Ну, конечно, я знал, кому поручить это!» Потом я перевел для «Всемирной литературы» «Дон Карлоса» по просьбе Горького: он грустил, что единственный перевод, сделанный братом Достоевского, сильно устарел.

Это и была моя последняя в России кропотливая, усидчивая и ответственная работа. Она была сделана, но не была напечатана, так как в эти дни я, — увы, — покинул родину.

Я был потрясен предсмертными словами Горького. Он советовал своей родине застегнуться на все пуговицы..

Это ли не величайшая любовь к своей стране и серьезная забота о ней?

Теперь, в годовой день его кончины, я низко склоняю голову перед всем, что он сделал для своей страны и своего народа.

Выставка в Московском университете

Московский университет открывает выставку, посвященную жизни и творчеству А. М. Горького.

Особый интерес представляет номер газеты «Искра» от 20 декабря 1901 г. (№ 13) со статьей В. И. Ленина «Начало демонстраций», в которой Владимир Ильич писал о том, как московское студенчество собралось встретить А. М. Горького, административно высланного из Нижнего-Новгорода в Крым.

«... Горького,—читаем мы в статье Ленина, — ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция **арестовала** его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) в'езд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую».

Специальный раздел выставки посвящен работе Горького в большевистской печати 1910—1914 гг.

Среди других экспонатов исторически интересны фотоснимки студенческих революционных выступлений в начале нашего века, связанных с именем А. М. Горького.

Писатель-боец

В ноябре 1901 года мы ждали в Москве Горького, который должен был проехать из Нижнего в Ялту. Но вдруг мы узнаем, что в Москву приехала только семья Горького, а сам он отвезен в Подольск.

На товарной станции, под самой Москвой, отцепили вагон, поставили на курские рельсы и отогнали за полсотни верст.

Немедленно собралось нас человек шесть. Поехали в Подольск узнавать, в чем дело.

Пробыли с Горьким несколько часов, под наблюдением жандармов, а затем подошел курьерский поезд, в котором ехала семья Горького. Его посадили в вагон и отправили в Крым. Так царские опричники не впустили в Москву революционного писателя.

От'езд Горького из Нижнего сопровождался совершенно необычными условиями.

На вокзале в Нижнем проводить писателя собралось огромное количество молодежи: студенты, девушки, гимназисты, рабочие, которые громко выражали свое сочувствие, свое сожаление по поводу вынужденного от'езда А. М. Горького. По вокзальным комнатам, платформам и залам были разбросаны листовки, наскоро размноженные на гектографе:

«Мы собрались здесь провожать знаменитого, любимого писателя Максима Горького, — говорилось в этих листовках,—и выразить свое крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города. Высылают только за то, что он говорил правду и указывал на непорядки русской жизни. Мы выражаем свое негодование по поводу того, что у нас в России запрещают говорить правду, запрещают говорить, что народу живется плохо. У нас запрещают писать о том, что всякие начальники грабят и обижают народ. У нас бьют нагайками студентов, которые заступаются за простой народ, и рабочих, которые хотят улучшить свое положение У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков...»

Задачи нижегородской молодежи были довольно широки Имелось в виду оповестить все главнейшие пункты и города по пути следования Горького до Крыма. Хотелось сделать так, чтобы «путь борца за свободу человеческой личности был триумфальным шествием победителя...»

Но генерал Трепов, московский обер-полицеймейстер, имел, конечно, возможность раньше Москвы ознакомиться с планами нижегородцев.

Это он распорядился отцепить вагон с Горьким за версту от Москвы; это он перегнал вагон на курскую линию и остановил в Подольске. Это он телеграфировал губернаторам орловскому, тульскому, курскому, харьковскому, симферопольскому о направлении Горького в Крым, на предмет принятия мер предотвращения демонстраций, чтобы «проезд писателя, действительно, не обратился в триумфальное шествие».

Многие подробности всего этого мы узнали только через 26 лет, когда революция вскрыла архив департамента полиции. Там, в рапорте Трепова, говорилось кое-что и о нас. Трепов доносил: «Надлежит присовокупить, что с дневным поездом курской железной дороги в Подольск отправилось несколько человек литераторов, которые и были единственными лицами, провожавшими в Подольске Горького».

Не вполне это было так, как доносил генерал Трепов. На вокзале, когда узнали про Горького и про писателей, к отходу поезда собрались почти все трудящиеся города Подольска.

Время наше вообще было не легкое. Общественность давили; в ком можно было, убивали мысль; другим зажимали рты. «Среда» чутко реагировала на явления общественной жизни. Отсюда нередко исходила инициатива протеста по адресу правительства.

«Надо заступиться за киевских студентов» — писал мне Горький в 1901 году из Нижнего. — «Надо сочинить петицию об отмене временных правил. Хлопочите. Некоторые города уже начинают...»

Письмо Горького, как это стало известно после вскрытия министерских архивов, побывало сначала в руках жандармерии, читано ими и зарегистрировано, а потом уже доставлено было мне, без всяких видимых следов ознакомления с ним «недреманного ока». Дело касалось нового студенческого устава и знаменитой «чистки» киевского университета, когда 83 студента были отданы в солдаты по распоряжению правительства, против чего были выпущены резкие воззвания социал-демократической партии.

В 1902 году Горький организовал в Петербурге издательство «Знание», которое сыграло заметную роль в движении 1905 года. Алексей Максимович был человек широкой инициативы, умевший проводить эту инициативу в жизнь и подбирать для этого подходящих людей. Многим, вероятно, памятны литературные сборники «Знания», так нашумевшие в свое время. Первые выпуски этих сборников были составлены почти исключительно из рассказов писателей, собравшихся в моей квартире еженедельно по средам.

За рассказами лично приезжал в Москву Горький.

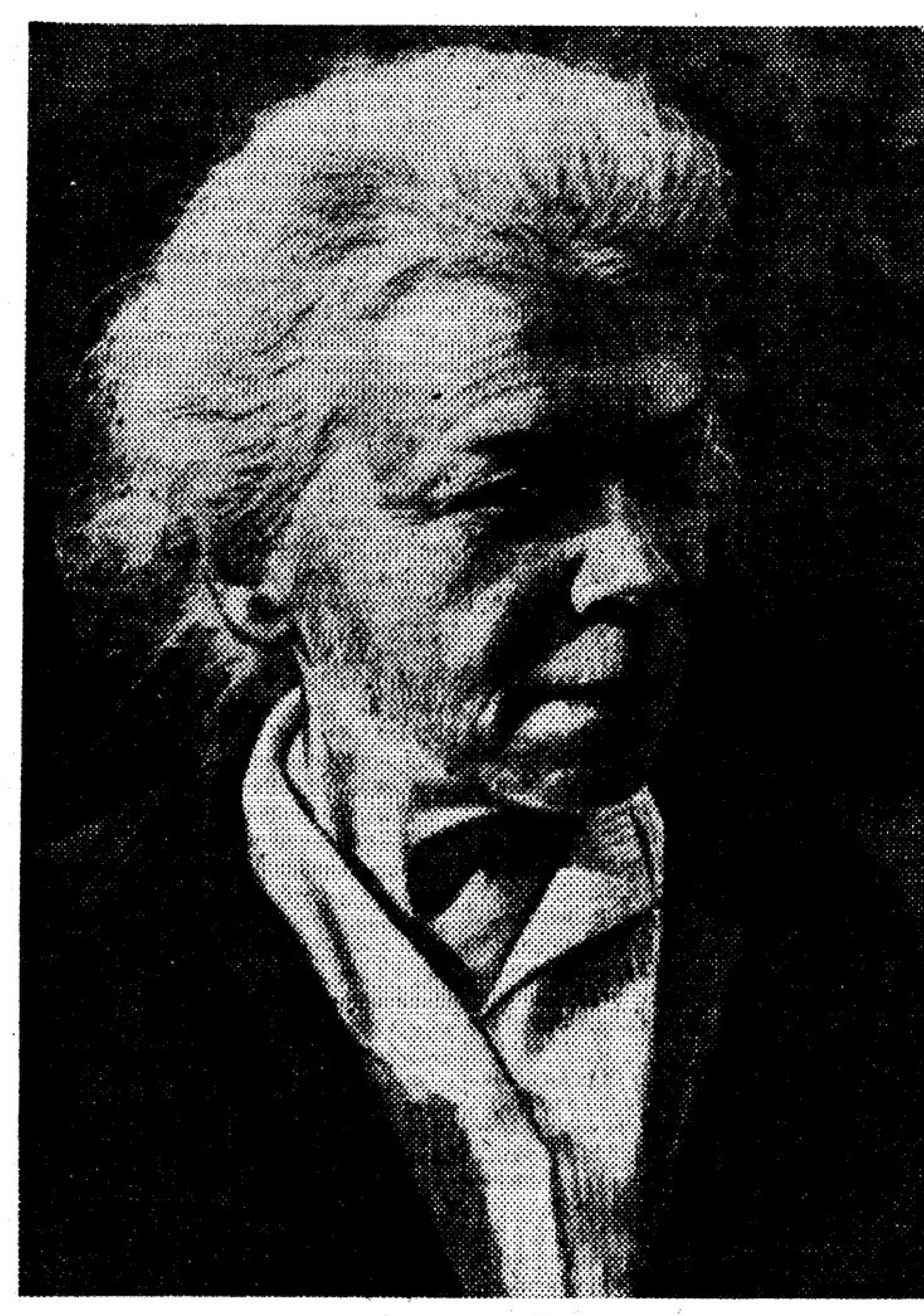
Прошло с тех пор много лет. Небывалые в мире события коренным образом изменили жизнь в нашей стране, не оставивши камня на камне от старого. Народ социалистической страны интересуется своим прошлым, жизнью его великих сынов. В журнале «Красная новь» появились начатки и моих воспоминаний. Горький по поводу их прислал мне из Сорренто такие слова:

«Читал ваши воспоминания... Ваши «Среды», мне кажется, имели очень большое значение для всех нас, литераторов той эпохи, и когда я дочитал до конца ваши записки, то подумал: — «Сильно мы пожили. Не правда-ли, старый товарищ?»

Народная любовь к Горькому, к своему великому буревестнику, — я уверен, — не иссякнет никогда.

Н. Д. ТЕЛЕШОВ

М. И. Ульянова

С глубокой скорбью встретили трудящиеся массы нашей страны известие о смерти Марии Ильиничны Ульяновой.

Сестра величайшего человека эпохи, Владимира Ильича Ленина, Мария Ильинична с ранних лет была всегда его достойным другом и верным соратником в борьбе за партию, всегда умела жить только интересами рабочего класса, которому отдала всю свою жизнь, все свои знания, всю свою необычайную энергию.

Рано стала Мария Ильинична подвергаться преследованиям царской полиции, рано познала она ужасы тюремной жизни, скитаний по ссылкам, поднадзорного существования. Но это никогда не могло сломить ее большевистскую волю, закалявшуюся под влиянием Владимира Ильича, не могло убить в ней революционный оптимизм, ослабить ее энергию в борьбе против строя помещиков и капиталистов.

В переломный момент российского революционного движения, каким явился II с'езд РСДРП в 1903 году, Мария Ильинична без колебаний пошла с теми, кому суждено было стать величайшими организаторами побед рабочего класса,—с большевиками. Она с головой окунулась в партийную работу, выполняя сложные задания секретариата ЦК партии, ведя переписку с местными комитетами и большевиками, находившимися за границей.

Прекрасная осведомленность в настроении масс, отличная ориентировка в политической обстановке, широкий идейный кругозор позволили Марии Ильиничне стать ближайшим помощником Ильича и систематически снабжать его информацией, которую он очень ценил.

Организаторские способности Марии Ильиничны особенно широко проявились в послеоктябрьский период, когда ей пришлось в течение долгого времени (с 1917 по 1929 г.) играть руководящую роль в «Правде». Всем памятна инициатива, проявленная в эти годы Марией Ильиничной в деле укрепления связей «Правды» с массами, в организации рабкоровского движения, в создании журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Личные свойства Марии Ильиничны делали ее как нельзя более подходящей и для той ответственной работы, которую ей пришлось вести в последние годы в Бюро жалоб ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР, а затем Комиссии советского контроля. Исключительная большевистская принципиальность, чуткое, сердечное отношение к человеку, глубокая преданность линии партии, упорная борьба за революционную законность снискали ей глубокую популярность среди населения, безграничную любовь, уважение и доверие.

Не один рабочий и колхозник мог бы привести замечательные факты, свидетельствующие о том, как часто Марии Ильиничне удавалось распутывать дела, иногда нарочито усложненные вредителями или бюрократами, как часто она находила скорое и верное решение в тех случаях, когда вопрос шел о благополучии трудящихся.

Чувства народных масс с предельной отчетливостью выразил Центральный Комитет партии, указавший в своем сообщении, что «жизнь М. И. Ульяновой, ее преданность делу Ленина — Сталина и чуткое отношение к трудящимся послужат примером беззаветной борьбы для всех партийных и непартийных большевиков за победу коммунизма».

ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ДРУГА РАБСЕЛЬКОРОВ

Смерть Марии Ильиничны — большое, тяжелое горе.

Когда вредители-кулаки убили моего мужа — рабкора «Правды», Мария Ильинична отнеслась к постигшему нас несчастью, как родной человек. Она первая оказала нам помощь во всем. Она приняла деятельное участие в расследовании подлого убийства моего мужа. Она проявила большую заботу о семье рабкора Спиридонова.

Память о Марии Ильиничне — чутком друге всех трудящихся — будет вечно жить в семье рабкора Спиридонова и в сердцах его односельчан—членов колхоза им. Сталина, Московской области.

Жена рабкора «Правды» Н. И. Спиридонова, технический сотрудник «Литгазеты»

ЕЛЕНА СПИРИДОНОВА.

ОСЕТИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ В МОСКВЕ

11 июня в Москву приехала в творческую командировку бригада писателей Северо-Осетинской автономной республики в составе: К. Бадаева, Д. Мамсурова, А. Гулуева, Г. Кайтукова, Г. Плиева, Х. Плиева и А. Исакова (казака).

Делегация пробудет в Москве дней 10—12, после чего поедет в Ленинград, Киев, Симферополь и Тбилиси.

В III детском театре

В «Проделках Скапена» с особенной силой проявилось тяготение Мольера к приемам площадного фарса.

Этого не могли ему простить многие защитники дворянского театра, пуще смерти боявшиеся вторжения «демоса» в область искусства.

В своем знаменитом трактате «Искусство поэзии» Буало с полной откровенностью выступает против этой тенденции Мольера.

К сожалению, такой народности, непосредственности, представлявшейся Буало «шутовством», заразительного веселья, втягивающего весь зрительный зал, буффонной яркости, задора, проказливости еще нехватает в постановке Пыжовой и Бибикова в III детском театре.

Спектакль смотреть легко, приятно, в него вложено много вкуса и такта, но иногда этот такт начинает тяготить: хочется большей непринужденности в режиссерской разработке, большей густоты красок, ярких и убедительных преувеличений, лежащих в природе самой комедии.

Нам кажется, что это еще можно внести в спектакль, не ломая его структуры, не изменяя в корне всей его направленности. В первую очередь, это должно пойти, конечно, по линии актерского исполнения.

Мы имеем, главным образом, в виду исполнителя центральной роли Скапена — т. М. Петрова. Актер, несомненно, даровитый. Однако очень часто ведущим героем на сцене оказывается не Скапен, а его партнер Сильвестр в исполнении Сажина. Именно Сажин ближе всех исполнителей подошел к стилю мольеровской комедии, находящейся в близком родстве с итальянской комедией масок. С удивительной легкостью и комичностью, нигде не переходящей в бесплодное комикование, передает Сажин все оттенки поведения этого трусливого, безвольного и вместе с тем лукавого слуги Органта и Октава. Скапен же у Петрова слишком приглажен, солиден, рассудителен, что ни в какой мере не вяжется со всеми его проделками.

Но если чрезмерная «приглаженность» не в стиле пьесы Мольера, то в такой же мере противоречит этому стилю и слишком карикатурное исполнение Вегнером роли Жеронта. Гораздо умереннее в этом смысле — и находчивее в выборе сценических красок — Ватолин.

Лирический элемент в спектакле вносят Зербинетта (Викторова) и Гиацинта (Спиридонова), девушки, в которых влюблены Леандр и Октав. Но и эта линия проведена весьма нерешительно, хотя замысел режиссеров здесь вполне удачен.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что спектакль, снова и снова показавший наличие в коллективе III детского театра очень одаренной молодежи, требует основательной доработки.

Я. РОЩИН.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Буржуазные реставраторы

Враги народа проводили по заранее намеченному плану свою вредительскую работу не только в промышленности, но и в области науки и искусства.

В области истории, философии, литературы создавались антипартийные школки, ведущие завуалированную контрреволюционную пропаганду и всячески противодействующие развитию социалистической науки и культуры. Товарищ Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) указывал, что нынешний вредитель, шпион, диверсант старается маскироваться под большевика.

Троцкисты Карев и Стэн маскировали свою антипартийную деятельность, якобы борясь за линию партии против извращений марксизма у механистов. Враг народа Ральцевич выступал с критикой меньшевиствующего идеализма Карева и Стэна. Он выступил как «разоблачитель» вредных книг Авербаха. Это помогло ему в свое время пробраться к руководству философских учреждений, к редактированию ленинградской литературной газеты. Дошло до того, что троцкист Ральцевич «прорабатывал» троцкиста Смирнова; троцкист Смирнов «прорабатывал» троцкиста Ральцевича. Оба они клялись именем партии, а на деле оба состояли в одной троцкистской шайке.

У работников идеологического фронта революционная бдительность была недостаточна. Сигналов, свидетельствующих о вредительской работе троцкистов и бухаринцев, было немало. Все эти Авербахи, Горбачевы, Ральцевичи писали крайне путаные антипартийные статейки. В стране, где идеи Маркса, Ленина и Сталина стали руководством к действию миллионов людей, при должной политической бдительности можно было значительно раньше разоблачить этих лжеученых. А между тем Ральцевичи, Пашуканисы и Дубыни, вплоть до разоблачения их органами НКВД, усиленно рекламировались своими приспешниками как «теоретики». То же самое было и на литературном фронте.

Враги действовали в одном и том же направлении. Партия неоднократно указывала, что нет и не может быть никаких «школок» и отдельных «руководств» в философии, в истории, в литературе.

«... Теория,—писал товарищ Сталин, —может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем».

Центральный Комитет коммунистической партии является штабом революционной теории и практики.

Там, где возникает «школка», там идет борьба против марксизма—ленинизма и орудует враг. Достаточно вспомнить весьма поучительную историю борьбы партии против бухаринской школки, достаточно вспомнить историю борьбы партии против троцкистской группы Авербаха, Макарьева, Мазнина, в свое время похлестаковски рекламировавших себя как «литературное руководство». На проверку все эти школки оказывались враждебными социализму.

В этом отношении особенно поучительна история Литфронта.

★

30-е годы вошли в историю Великой Пролетарской революции как годы развернутого социалистического наступления в условиях обостренной классовой борьбы. В это время создается контрреволюционный право-левацкий блок Сырцова — Ломинадзе, блок реставраторов всех мастей. Агентурой право-левацкого блока в литературе явился «Литфронт».

Некоторые участники «Литфронта» входили в контрреволюционную группу Сырцова — Ломинадзе, многие из литфронтовцев были за эти годы разоблачены, как враги народа. Их реставраторские установки нашли свое выражение в антипартийной литературно-политической линии, в теоретических взглядах Литфронта.

Борьба с линией партии об'единила этих последышей Бухарина и Троцкого. Тут были приверженцы меньшевистских взглядов Переверзева и троцкистских взглядов Воронского. Вчерашние враги «трогательно» об'единились в беспринципном блоке. Эклектики и невежды в вопросах искусства, они были едины в своей борьбе против первого в истории человечества социалистического государства и рожденного им социалистического искусства.

С одной стороны литфронтовцы следовали за Троцким, утверждавшим, что методы марксизма не методы искусства. Ныне разоблаченный враг народа Горбачев утверждал, что «художественная литература есть произведение искусства, а не явление политической идеологии». Выступая за автономию искусства от политики, литфронтовцы возвеличивали реакционных писателей и печатали в своем альманахе «Удар за ударом», редактируемом А. Безыменским, контрреволюционный пасквиль Грабаря «Краснобожский летописец».

В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы.

С другой стороны, один из литфронтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенности обозначаемой «эстетической потребностью» и «эстетическое восприятие» (Беспалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность.

Маркс указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создали необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокровищница народного творчества раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плясках народов СССР, в росте советского искусства.

...«Необходимо было, писал Маркс, опредмеченье человеческой сущности и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот когда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфронтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «упразднении» эстетической потребности.

Тем самым они вели линию на ликвидацию искусства и всячески вредили росту социалистической культуры.

Якобы борясь за актуальность литературы, они противопоставили злободневность—художественности, свободу творчества — служению делу социализма.

Еще Белинский писал: «свобода творчества легко согласуется с служением современности. Для этого не нужно писать на темы, насиловать фантазию. Для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями».

Реалистическое воспроизведение жизни в художественном произведении отражает об'ективную действительность.

Честный талантливый художник не может не видеть правды социализма. Литфронтовцы вели борьбу против эпического искусства, против реалистического романа, отрицая их актуальное значение. Выходило, что служение своему народу несовместимо со служением большому искусству.

А между тем мы видим, как честное служение искусству у ряда выдающихся мастеров стало органически сочетаться со служением делу Великой социалистической революции. А между тем мы видим, как Великая социалистическая революция пробудила к творчеству таланты из народа.

Это происходит потому, что только страна социализма создает условия для свободного творческого созидания.

Ликвидаторство литфронтовцев вытекало из их антипартийных позиций, из отрицания творческого характера Пролетарской революции. Это они развратили группу литераторов, до сих пор полагающих, что описание тем, близких сердцу советского гражданина, может подменить подлинное творчество.

Литфронтовцы шли целиком за Троцким, клеветнически утверждавшим, что в эпоху обостренной классовой борьбы за социализм невозможно художественное развитие человечества.

Казалось бы, что литфронтовцы как небо от земли далеки от бухаринской школки. Бухарин утверждал, что время агиток, т. е. революционной пропаганды средствами искусства, прошло и провозгласил Пастернака ведущим поэтом эпохи.

В «отличие» от Бухарина литфронтовцы готовы были ликвидировать искусство во имя агитки. Казалось бы, что общего между Бухариным и Литфронтом в вопросах искусства? Но продумайте взгляды Литфронта и вы увидите, что литфронтовцы едины с Бухариным в основном, в противопоставлении большого настоящего искусства революции.

Далеко не случайно, что литфронтовцы, авербаховцы, бухаринцы были едины в своей травле Горького, Серафимовича, Маяковского, Шолохова, Панферова, Фадеева.

Авербаховская школка выступала против «Литфронта», «Литфронт» выступал против Авербаха.

Каждый из них обвинял своего противника в измене марксизму и клялся великим именем партии. Но в действительности и авербаховцы и литфронтовцы были драчунами против линии партии в литературе. Сейчас кое-кто из бывших литфронтовцев пытается встать в позу разоблачителей Авербаха, «забывая», что и авербаховцы и литфронтовцы стояли на антипартийных позициях.

Эти реваншистские настроения должны быть сурово осуждены.

Борьба за партийную линию в литературе связана с политическим и идейным разгромом антипартийных школок.

Необходимо помнить об единой реставраторской сущности Литфронта и авербаховской школки при видимости ожесточенной драки между ними.

Авербаховцы совместно с литфронтовцами пытались вычеркнуть классика социалистического реализма А. М. Горького из пролетарской литературы. «Меньшевик (Бибик, Ляшко) или махаевец по существу (Бесcалько) или плохой большевик и марксист по собственному признанию М. Горький,—писал враг народа Горбачев, — могли быть пролетарскими писателями в свое время и не смогли бы быть ими в другое время».

«Горький,—писал бывший авербаховец Ермилов,—пролетарский писатель в той степени и постольку, в какой степени и поскольку пролетариат осуществляет задание буржуазно-демократической революции, те задачи, которые должны были быть осуществлены русской буржуазией, если бы она не была у нас столь бездарна и бессильна».

Горбачев утверждал, что Серафимович второстепенный писатель. Авербаховцы вели безобразную травлю автора «Железного потока».

Литфронтовцы об'явили Шолохова мещанским писателем.

Авербаховец Селивановский заявлял, что Шолохов вне пролетарской литературы.

Известна травля Серафимовича, Панферова и Фадеева, организованная авербаховским «центром».

В том же направлении действовали и литфронтовцы в своей травле основного ядра пролетарской литературы.

Разве это не единая линия, направленная против советского искусства?

Творческие лозунги напостовской группы вытекали из троцкистской программы Авербаха.

Авербаховская школка выдвинула лозунг о срывании всех и всяческих масок, ссылаясь при этом на классические статьи Ленина о Толстом. Трудно представить себе более наглую фальсификацию ленинских положений.

В статьях о Толстом Ленин говорил о необходимости срывания всех и всяческих масок с буржуазной действительности, с буржуазного суда, с буржуазной семьи. Ленинский лозунг о срывании всех и всяческих масок означал разоблачение подлости и лицемерия буржуазного общества

В эпоху диктатуры пролетариата отношения людей делаются прозрачными и разумными. Правда революции — самый убедительный агитатор за дело социализма.

Ложь, лицемерие и подлость в условиях диктатуры пролетариата являются наследием капитализма. Маскируется классовый враг, пытаясь таким путем напакостить пролетарскому государству и спастить от победного шествия социализма. Авербаховцы генерализовали их лозунг о срывании всех и всяческих масок по отношению ко всей советской действительности. Тем самым они осмелились утверждать, что маски надо срывать с советского государства, советского суда и т. д.

Как же литфронтовцы боролись против лозунга срывания масок?

В самый разгар борьбы появляется статья Безыменского «О проблеме создания типа», где провозглашается лозунг «одевания масок».

«Создание масок помогает срыванию масок», — утверждает тов. Безыменский.

«Не надо забывать, что создание типа есть всегда в известной мере создание маски»...

Согласно этой, с позволения сказать, теории, выходило, что правдивое, без масок изображение действительности несовместимо с вскрытием существа людей.

Теория «одевания масок» была направлена против реализма, против правдивого отражения действительности в искусстве.

Лозунг «одевания масок» оказался оборотной стороной лозунга «срывания масок».

Авербаховцы выдвинули идеалистический лозунг «за живого человека», из которого явствовало, что писатель должен уметь найти в классовом враге хорошее. Литфронтовцы в своей борьбе против этого лозунга выдвинули вреднейшую теорию, отрицающую развитие индивидуальности в социалистическом обществе, находящуюся в прямом противоречии с указаниями классиков марксизма. «Только в коллективе, писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода».

Советская литература делает шаг вперед в художественном развитии человечества именно потому, что она изображает великое движение многомиллионных народных масс от капитализма к коммунизму.

Партия большевиков всегда боролась против неправильного понимания соотношения личности и коллектива. Тов. Ленин и тов. Сталин неоднократно предостерегали против политически неверного понимания равенства в эпоху социализма.

Социализм впервые в истории создает условия для роста человеческой личности. Литфронт явился рупором реакционных теорий о растворении индивидуальности в коллективе. Так родилась теория отрицания психологического романа. Настроения эти в известной мере сказались и в творчестве Безыменского.

Троцкистское отрицание построения социализма в одной стране приводило литфронтовцев к отрицанию социалистической переделки людей. Горбачев осмеливался утверждать, что основной темой советской литературы является тема «лишнего человека» в современности. Эта явно контрреволюционная теория не встретила осуждения со стороны других литфронтовцев. Более того, они смыкаются с Горбачевым в своем «учении» о положительных и отрицательных характерах.

Уже после ликвидации Литфронта Рожков утверждал, что Левинсона из «Разгрома» Фадеева и Кирилла Ждаркина из «Брусков» Панферова нельзя назвать типическими характерами, потому что в их сознании еще есть родимые пятна капитализма. Что это как не отрицание типических процессов переделки миллионов людей в эпоху социализма. Что это, как не обратная сторона лозунга «за живого человека», столь ревностно критикуемого Рожковым.

На писаниях литфронтовцев и авербаховцев лежит неизгладимая печать псевдо-научности и схоластики. «Профессор» от литфронта Зонин выпустил книжку, где шаманское жонглирование категориями диалектики сочеталось с вреднейшими антимарксистскими высказываниями. Еще до сих пор не раскритиковал Беспалов своих вредных путаных писаний.

Авербаховская группка выдвинула положение о том, что писатель должен овладеть «диалектико-материалистическим творческим методом», а потом по этому методу писать. На деле это означало борьбу против марксистско-ленинской теории.

Что это, как не единодушие реставраторов всех мастей в борьбе против линии партии?

Партия ведет неустанную борьбу против враждебных влияний в литературе. Как же могло случиться, что уже после постановления ЦК от 23 апреля 1932 года о ликвидации РАПП мог 5 лет существовать авербаховский — троцкистский центр в литературе? Как могло случиться, что литфронтовцы после разгрома Литфронта проводили антипартийные установки в литературе. Гореловы, Майзели, Горбачевы вели в литературе подрывную работу до полного разоблачения их как врагов народа, хотя была ясна вредность их псевдонаучной стряпни.

Это произошло благодаря идиотской болезни — беспечности, еще существующей в литературной среде.

Товарищ Сталин на пленуме ЦК указывал, что необходимо разбить «гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто-бы больше резервов, что они добирают будто-бы свои последние кадры».

Разбойники пера типа Авербаха, Горбачева тем и живут, что клевещут на рабочий класс СССР и на его писателей. Тем суровее должны быть осуждены попытки смазать антипартийную сущность литературных позиций Литфронта и авербаховской школки.

Ал. ЗУЕВ

Мария Ильинична

Из воспоминаний

1921 год. Холодная, нетопленая редакция «Правды». Сотрудники сидят в шубах.

Около стола секретаря редакции железная «буржуйка». На ней большой медный чайник. Коленчатая труба «буржуйки» висит под потолком на проволоках. С трубы каплет на подостланные газеты черный деготь. За стеной глухие удары топора. Это завхоз редакции рубит замороженное мясо. В коридоре стоят сотрудники в очереди за пайком.

В секретариат входят двое в тулупах, в валенках.

— Вот, Мария Ильинична, привел вам нового рабкора. С первой заметкой.

Мария Ильинична сразу откладывает в сторону бумаги и приветливо усаживает гостя. Глаза ее ласково светятся. Гостю подают кружку чая, и начинается задушевный разговор. Мария Ильинична тут же прочтет заметку, тут же поправит.

— Хорошо у вас получилось. Пишите еще и заходите к нам непременно. А это напечатаем.

И с удовольствием впишет в свою книжечку фамилию нового рабкора.

Отдел «Рабочая жизнь» быстро рос. Заметки рабочих скоро стали заполнять целую полосу «Правды». Мария Ильинична с гордостью называла этот отдел «железным фундаментом» газеты. С особой заботой следила она, чтобы при обработке не был искажен самобытный стиль рабочих заметок.

Мы, тогдашние районные организаторы рабкоров, знали, что нельзя доставить большей радости Марии Ильиничне, как приведя в редакцию нового рабкора.

В Горках, после смерти Владимира Ильича. Волосы Марии Ильиничны побелели, вид усталый.

Однажды она долго говорила по телефону с Москвой.

Вышла в столовую повеселевшая, успокоенная. И сказала:

— Вот сразу видно: приехал вождь. Приехал и все дела решил.

Речь шла о вернувшемся из отпуска товарище Сталине.

Как была она довольна, когда удалось получить высказывания товарища Сталина по вопросам рабселькоровского движения.

— Командиры пролетарского общественного мнения!

Эту фразу из беседы она не раз повторила с настоящей гордостью в голосе.

Бюро жалоб. Мария Ильинична только что вернулась из Ленинграда.

Бережно достает из портфеля синий конвертик. В конвертике несколько снимков. Это фотографии рабочих, плохонькие снимки, сделанные уличным фотографом.

— Подарили мне мои бывшие ученики. Когда-то, давно-давно, я вела у них на фабрике кружок. Вот этот старик — теперь стахановец, герой труда. Веселый, живой такой...

Вся осветившись чудесной «ильичевской» улыбкой, вспоминает Мария Ильинична:

— Один раз, помню, он пошел проводить меня до трамвайной остановки. Я развертываю платок, чтобы достать деньги, он посмотрел на меня этак покровительственно и говорит: «Уж ладно, куплю тебе кошелек!»... Теперь я ему эту историю напомнила. А он мне: «Извиняюсь, Мария Ильинична, ежели бы я знал, что вы будете **такие**, разве так сказал бы»...

И, залившись веселым смехом, Мария Ильинична вытирает выступившие на глазах слезы.

— Чудесный старик... верно? — протягивает она маленькую фотографию рабочего.

В дни, когда классовыми врагами был убит в Москве рабкор Н. И. Спиридонов, Мария Ильинична поставила на ноги всех и вся. Она добилась, чтобы дело рассматривалось в показательном порядке. Когда первоначально был вынесен сравнительно мягкий приговор, она, целиком поддержанная советской общественностью, потребовала и добилась пересмотра приговора. Она выхлопотала пенсию семье убитого рабкора. По ее инициативе был открыт сбор средств на постройку памятника на его могиле.

Когда преследования рабкоров и селькоров стали одним из излюбленных приемов классового врага, не раз приходилось Марии Ильиничне выслушивать сетования и жалобы на трудности разоблачительной работы.

— Что-ж, дорогой товарищ, — ласково уговаривала она колебавшихся, — на то и борьба. Не надо робеть, надо держать хвост трубой.

«Рабкор, держи хвост трубой!» — этот «лозунг» был написан на стене рабкоровского клуба в Москве. Эти слова часто повторяли в своих речах рабкоры.

ЛЕВ ДЛИГАЧ

О новых стихах Е. Полонской

Книга новых стихов Елизаветы Полонской *) открывается стихотворением, посвященным памяти Сергея Мироновича Кирова. Совершенно естественно, что в новых книгах ленинградских поэтов эта тема занимает большое и почетное место.

В книге Полонской стихотворение «Памяти Сергея Кирова» набрано курсивом и поставлено впереди и вне всех разделов. Это дает право думать, что в идейном и в художественном смысле оно определяет последний этап творчества Полонской.

Однако, прочитав весь сборник стихов, приходишь к заключению, что стихотворение «Памяти Сергея Кирова» самое слабое из всего, что помещено в этой слабой книге.

На редкость поверхностное, небрежное и безвкусное стихотворение сразу же начинается с безграмотной фразы —

Тебя подкосили в рабочий день,
В затылок...

Во второй строфе встречается такая мучительная в звуковом отношении строка:

...Хибины ль, Ижорский ль завод...

Вторые две строки третьей строфы чисто «декламационные»:

... Печали и гнева бушующий гром,
И ярость взметнула сердца...

причем «гром» рифмуется с «ничком», а «сердца» с... «раздался».

В четвертой строфе лаконично сказано:

В последний вступил ты
в Колонный зал.

Даже нам, москвичам, невдомек, что это за «последний Колонный зал».

Следующие строфы тоже не блещут четкостью мысли:

На площади Красной в кремлевской
стене
Ты в будущее войдешь.

«Войти в будущее в стене» — оборот речи по меньшей мере странный. Бессмертие кировского имени обязывает к большему чувству ответственности. Литературный стаж Елизаветы Полонской лишает ее права на какое бы то ни было снисхождение.

Белые стихи, щедро представленные в сборнике, отличаются на редкость убогим ритмическим рисунком, совершенно незакономерные перебои и сдвиги делают их неудобочитаемыми.

Попробуйте прочитать такую строку:

Змеились расщелины между
базальтовых гряд...
Случайный попутчик
Сказал приглушенно: — Пещеры.
Здесь прятались от резни,
в народе у нас говорят...

На препятствия такого рода читатель «Новых стихов» Елизаветы Полонской натыкается непрерывно, и имеют эти препятствия самый разнообразный характер. Тут не только вопиющие нарушения ритма, но и смысловые и синтактические «вывихи».

Полонская так, например, пишет о летучей мыши:

... И, наконец, устала и ослепла,
Уснула, ноготком **вцепясь**
в карниз...
Я разглядела **крылья** цвета пепла,
Ее, висящей головою вниз.

«Крылья ее, висящей» — такую фразу нельзя не признать шедевром поэтической неуклюжести.

Языковые неурядицы встречаются почти во всех стихах сборника.

Рот гранатового цвета,
Как у львенка молодого,
Полный белыми зубами.
Задремала, опустив
Шелковистые ресницы,
Что густые покрывала,
На большие, как у львенка
Светло-карие глаза.

Ресницы, опущенные на глаза, рот, полный зубами! — после таких строк двустишие:

Но люди яростно боролись,
защищаясь,
В горячих простынях без устали
метались

— могут и впрямь показаться достижением.

Переводы Елизаветы Полонской также не отличаются большой художественностью. Они об'единены под заголовком «Голоса издали» и заключают книгу.

Однако основная беда книги не в ее тяжеловесности и даже не в том, что она написана небрежно, а в полном отсутствии «зерна», обязательного для каждого произведения искусства.

Слова, слова, в которых от чувства нет ничего, кроме интонации, зачастую очень ходульной, наполняют ее книгу. Напряжение словесной ткани пагубно сказывается даже на таком более или менее удачном стихотворении, как «Снег в горах».

Мне снег
На черном гребне гор
Напомнят, знаю я,
Цвет молодых твоих седин
И холодность твоя.

Сознание противится противоестественному построению фразы: читаешь, «мне снег напомнят цвет» и некоторое время недоумеваешь.

В книге Полонской нет собранности и единства. Она — как бы результат поверхностных и случайных наблюдений, наспех и кое-как изложенных стихами. Все, что есть в этой книге от нашей живой почвы и подлинной жизни, преподнесено крайне наивно и беспомощно.

Мы солнце и юность
С собою несем!
А сколько мы песен
Сегодня споем!

Мы знамя поднимем!
Мы крикнем «ура»
Вождям революции,
Бойцам Октября.

Как бы мы ни расценивали то, что сделано Елизаветой Полонской в прошлом, как бы ни определяли ее удельный поэтический вес, такие стихи не могли появиться в результате серьезной работы.

Торопясь издать свои недоработанные произведения, втискивая в книгу весь накопившийся «очередной материал», мы зачастую умудряемся отстать от самих себя, т. е. пишем хуже, чем позволяет нам наше скромное дарование. А это непростительно по отношению к своему искусству и своему времени.

*) **Елизавета Полонская, «Новые стихи». Госпитиздат, Ленинград, 1937, стр. 118, тираж 5.800. Редактор Н. Коварский.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1927 год

«Жизнь Клима Самгина»

Десять лет назад, 23 июня 1927 года, в «Правде» начали печататься первые отрывки «Жизни Клима Самгина» М. Горького. Первоначально это заглавие относилось только к отрывкам. Всему произведению в целом Горький дал название: «40 лет».

Отрывки из «Жизни Клима Самгина», вслед за «Правдой», с 26 июня начали печататься и в «Известиях». Отдельные главы были помещены в «Красной нови», в «Огоньке», в альманахе «Круг».

Сейчас, после выхода четвертого тома повести, общепризнано, что это произведение является вершиной горьковского творчества. И в то же время «Жизнь Клима Самгина» является как бы итогом полувековых наблюдений и изучения Горьким русской жизни. Нарисованные Горьким картины общественной жизни, характеров и нравов четырех десятилетий представляют собою эпопею, рядом с которой могут быть поставлены лишь избранные произведения всей мировой литературы.

В литературном творчестве Горького «Жизнь Клима Самгина» занимает такое же, если не большее, место, как «Евгений Онегин» у Пушкина или «Мертвые души» у Гоголя. Достаточно сказать, что эта книга составлялась в течение 30 лет. С того времени, когда Горький только задумал образ Самгина и пока он дал в печать первые отрывки, прошло более двадцати лет. И еще десять лет прошло прежде, чем он довел эпопею до конца.

Он сам рассказывает историю возникновения своей повести:

«Эта книга затеяна мною давно, после первой революции пятого—шестого года, когда интеллигенция, считавшая себя революционной, — она и действительно принимала кое-какое фактическое участие в организации первой революции,— в седьмом—восьмом годах начала круто уходить вправо. Тогда появился кадетский сборник «Вехи» и целый ряд других произведений, которые указывали и доказывали, что интеллигенции с рабочим классом и вообще с революцией не по дороге. У меня явилось желание дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но, кроме того, я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии».

Печатание повести было воспринято всей страной как крупнейшее литературное событие. Отдельные главы и отрывки, как только они появились в печати, вызвали восторженные оценки читателей и критиков, всех тех, кому была дорога и близка советская литература.

Только из контрреволюционного троцкистского угла не прекращалось шипение по адресу Горького. И это шипение становилось с каждым днем тем злобнее, чем большим успехом пользовалась «Жизнь Клима Самгина».

Не трудно понять, почему так были обозлены троцкистские бандиты и их подголоски. «Та интеллигенция, — говорил впоследствии Горький,—которая живет в эмиграции, за границей, клевещет на Союз Советов, организует заговоры и вообще занимается подлостями, эта интеллигенция в большинстве состоит из Самгиных». Троцкистская агентура с первых же страниц увидела в Самгине свой портрет.

Чего только ни придумали они, чтобы ослабить успех «Самгина» и фальшиво истолковать его значение! Троцкист Горбачев утверждал, например, что в повести «поражает отсутствие единой, освещающей ее идеи». Вполне в тон ему, на страницах «На литературном посту», выступил Эльсберг с таким безграмотным заявлением: «Жизнь Клима Самгина» является кульминационным пунктом пренебрежения М. Горького к сюжетным литературным формам».

Не довольствуясь этим, Эльсберг пытался уверить читателя, что «Жизнь Клима Самгина», как и другие произведения Горького последнего периода, не имеет социального значения. Занявшись чудовищным сопоставлением Самгина с самим Горьким, Эльсберг пришел к выводу, что «скептические самгинские очки уже оказали свое вредное влияние на глаза Горького».

Отсюда уже недалеко было и до того, чтобы утверждать полную идентичность Горького и Самгина. Это, в конце концов, и сделал Вешнев. В номере двадцатом «На литературном посту» за 1927 год он выступил с наглой статьей «Горькое лакомство» (одно название чего стоит!), в которой так прямо и писал: «Совершенно ясно, что Клим—ширма, за которую спрятался сам Горький. Он старается не выдавать себя».

Здесь же, походя, Вешнев утверждал, что лень, разгильдяйство, неумение работать, самомнение—все это будто бы исконно-русские черты. Оклеветав таким способом русский народ, он продолжал клеветать и на Горького, заявляя, будто Горький защищает и смакует эти черты характера.

Легко понять, с каким удовольствием печатал презренный троцкист Авербах все эти безграмотные и клеветнические статьи против Горького. Разумеется, вся эта гнусная и нелепая брань не имела ни среди читателей, ни среди писателей никакого резонанса. С первого же своего появления «Жизнь Клима Самгина» стала одним из самых популярных произведений советской литературы. Впоследствии, с выходом каждого нового тома, успех этого произведения становился лишь еще большим и более действенным.

Охрана авторских прав

Раз'яснение Наркомфина СССР

Правлением союза советских писателей получено следующее письмо Наркомфина СССР по вопросам, поставленным в связи с ревизией Управления по охране авторских прав:

«То обстоятельство, что НКФином СССР поставлены в связи с ревизией вопросы: 1. О пересмотре организационной структуры Управления по охране авторских прав и 2. О снижении норм авторского гонорара, не может служить основанием к прекращению уплаты авторского гонорара в пределах норм, на законном основании действующих в настоящее время.

Все организации и учреждения, обязанные по закону уплачивать авторский гонорар, не могут отказаться от выполнения возложенных на них обязанностей по отношению к авторам впредь до разрешения в вышестоящих организациях выдвинутых Наркомфином СССР вопросов».

В часы досуга на военном корабле. Старший радист тов. Бородай читает краснофлотцам книгу Новикова-Прибоя «Цусима». (Союзфото).

Экспедиция на Южный полюс

Книга Амундсена вышла как нельзя более своевременно.

Советский читатель будет сейчас с особым чувством читать эти мемуары великого норвежского путешественника, жизнь которого представляла собою цепь изумительных открытий, легендарных дел, направленных на подчинение сил природы воле человека.

Людям социалистической страны, величайшим реалистам и величайшим мечтателям в мире, недавно вписавшим в историю человечества одну из самых вдохновенных ее страниц фактом завоевания Северного полюса, больше чем кому-либо близка и понятна героическая романтика, которой насыщены эти спокойные, будничные записи. Лишенные всяких поэтических прикрас и намеков на патетизм, они тем не менее с волнующей полнотой воссоздают величавую, почти эпическую картину похода Амундсена на Южный полюс.

Книга учит мужеству, выдержке, инициативе, она воспитывает любовь к точности, методичности, она с удивительной наглядностью демонстрирует решающее значение четко разработанного плана в таких грандиозных предприятиях. О том, до каких мельчайших деталей продумал Амундсен свой исторический маршрут, свидетельствует следующий факт: заключительная фраза плана, намеченного и изложенного Амундсеном еще в 1909 году, содержит указание на то, что участники похода к полюсу вернутся 25 января 1912 года. И действительно: «25 января 1912 года, — констатирует Амундсен, мы под'езжаем к «Фрамхейму», благополучно совершив поход к полюсу».

В книге много теплого юмора, особенно в страницах, посвященных изображению быта экспедиции. С восхищением описывает Амундсен «отзывчивость» своих соотечественников, пришедших ему на помощь различными видами снабжения. Но советский читатель иначе воспримет эти страницы: ему странно будет видеть, что в буржуазном обществе исход великих начинаний целиком зависит от милостей приватных жертвователей. Он знает, что советская власть, осуществляя любой замысел, обеспечивает наших ученых, исследователей, путешественников решительно всем, что им необходимо для скорейшего и благополучнейшего достижения цели. А вот Амундсен должен был «считаться с весьма ограниченными средствами», а потому, расходуя деньги, «выворачиваться наизнанку», по его же свидетельству; он должен был рассчитывать на то, что одна фирма преподнесет ему в дар кухонную и столовую посуду, другая — писчебумажные принадлежности, третья—коечные одеяла, что одна фабрика великодушно обеспечит экспедицию фруктовым соком, другая — конфетами, третья — спичками и т. д. и т. п.

Советский читатель, конечно, не будет в претензии к отважному норвежцу за то, что он использовал единственно возможными в капиталистическом обществе формами помощи. Но невольную улыбку вызывает проступающая сквозь все восхищение благодарности Амундсена убежденность в том, что жертвователи действовали из высоких побуждений. Любой школьник в СССР без лишнего труда разгадает подлинные пружины, руководящие людьми, для которых весь смысл жизни сводится к рекламе и накоплению.

Но искренно огорчен будет читатель, убедившись, что и сам великий Амундсен был сильно заражен ядом буржуазной психологии, что и для него погоня за сенсационными рекордами являлась одним из сильнейших стимулов деятельности. Даже экспедиция на Южный полюс была продиктована соображениями, недостойными этого замечательного человека. Амундсен сознается, что путешествие к Южному полюсу не входило в его намерения. Мечтой его жизни был Северный полюс. К этому он готовился полтора года. Но неожиданно весь мир был ошеломлен сообщением о том, что Роберт Пири уже достиг на собаках Северного полюса.

«С той же быстротой, с какой известие пролетело по телеграфному кабелю, я решил переменить фронт — перестроиться и обратиться лицом к югу».

Не только от своих жертвователей и от печати, но и от своих спутников Амундсен скрыл свое решение. Боясь, как бы кто-нибудь не перехватил его идею и в особенности, как бы не слишком заторопился собравшийся на тот же Южный полюс англичанин Скотт, Амундсен ввел весь мир в заблуждение. Он заверил всех, что отправляется на Северный полюс для научных исследований, и только в гавани на острове Мадейра он открыл экипажу корабля свои подлинные намерения.

Характерно, что Амундсен в книге не очень-то старается замаскировать рекордсменский характер экспедиции на Южный полюс. В одном месте он откровенно заявляет:

«Если уж мы пускались в погоню за этим рекордом, то должны были во что бы то ни стало оказаться первыми на месте».

Свое преимущество перед Скоттом Амундсен видел в том, что его, Амундсена, экспедиция не базировалась целиком на научных исследованиях. «Науке предоставлялось самой пристраиваться к этому небольшому отклонению от пути» (экспедиции Скотта.—Я. Э.). Иначе говоря, обогащение науки не являлось целью путешествия, оно только допускалось как возможный результат.

Весьма любопытны переживания Амундсена в тот момент, когда он достиг своей цели, когда приборы указали, что он и три его спутника — на Южном полюсе.

«Не могу сказать, — хотя знаю, что это произвело бы гораздо больший эффект, — что я стоял у цели своей жизни... Лучше уж буду откровенен и прямо заявлю, что, пожалуй, никто никогда из людей не стоял, как я в данном случае, на месте... диаметрально противоположном цели своих желаний! Область Северного полюса, — да чего уж там, нет, сам Северный полюс! — с детства притягивал меня, а вот я теперь очутился на Южном полюсе! Можно ли представить себе что-либо более противоположное!»

Разве эти признания не полны трагического смысла, разве картина, нарисованная здесь Амундсеном, не воспринимается нами как мрачный символ действительности, где господствует слепая стихия, во власти которой оказываются и самые светлые, передовые умы буржуазного общества?

Читая эту книгу, советская молодежь научится не только ценить заслуги таких людей, как Амундсен, но и горячее любить свою социалистическую родину, где изменилась самая природа героизма, где единственным стимулом и двигателем во всех начинаниях являются правильно понятые интересы социалистического общества, интересы родины.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.

Руал Амундсен, «Южный полюс». 434 стр. Цена 7 р. 50 к. Предисловие профессора Ю. Визе. Издательство «Молодая гвардия».

В партгруппе правления союза советских писателей

13 июня партгруппа правления союза советских писателей продолжала обсуждение деятельности группы «Литфронт», являвшейся, как известно, прямой агентурой право-левацкого блока Сырцова—Ломинадзе. Выступавшие в первый день бывшие лидеры «Литфронта» вместо большевистской критики антипартийной троцкистской программы «Литфронта» рассказывали о своей деятельности с эпическим спокойствием, как будто это не они послужили ширмой для вражеских махинаций.

Такой же характер носило и выступление во второй день В. Кина, который не нашел нужным подвергнуть решительной критике вреднейшие «творческие» взгляды «Литфронта», приводившие, как и авербаховщина, к ликвидации художественной литературы. На заседании выяснилось, что В. Кин находился в близком знакомстве с врагом народа Шмидтом и, уезжая за границу, предоставил ему свою квартиру.

А. Безыменский в длинном и путанном заявлении, с одной стороны, признавал те факты, которые сообщила о нем «Комсомольская правда» 9 июня с. г., а, с другой стороны, пытался об'явить выступление «Комсомольской правды» клеветой. С. Трегуб в своей речи изобличил увертки и виляние Безыменского, с фактами в руках доказав, что Безыменский еще в 1934 г. переиздавал свои стихи о Троцком, выкидывая только его имя, но оставляя неприкосновенным остальной текст.

Эпическое спокойствие бывших лидеров «Литфронта» было подвергнуто суровому осуждению. В выступлениях тт. А. Суркова, В. Кирпотина, И. Чичерова, Н. Глаголева, Н. Чертовой, О. Войтинской, П. Юдина был раскрыт подлинный смысл литфронтовской группы. Она была задумана и создана право-троцкистским блоком, она была его филиалом в литературе. Не случайно в рядах литфронтовцев оказалось немало врагов народа — троцкистов: Горелов, Горбачев, Камегулов, Мустангова и др.

Тов. Чертова рассказала о сырцовской литературной группе в Сибири «Настоящее», травившей великого пролетарского писателя Горького и пытавшейся ликвидировать художественную литературу. Руководители «Настоящего» Б. Резников и Гальперин стали активными организаторами «Литфронта».

Резкому осуждению подверглась в ряде выступлений позиция П. Рожкова, который в течение ряда лет продолжал проводить литфронтовские взгляды на страницах «Нового мира» при попустительстве И. Гронского, ныне, как сообщил т. В. Ставский, снятого союзом писателей с поста редактора этого журнала.

Гронский и Рожков проглядели врагов народа П. Васильева и И. Макарова, печатавших в «Новом мире» гнилые, контрреволюционные произведения. В очередной книжке «Нового мира», выходящей в годовщину смерти М. Горького, не было ни строки о великом писателе, и союз писателей потребовал перестроить номер журнала.

Тов. В. Ставский в своем заключительном слове со всею остротой подчеркнул значение той работы, которую проводит партгруппа, рассматривая деятельность участников бывших литературно-политических групп, связанных с различными антипартийными организациями.

Вскрытие фактов антипартийной и злобной контрреволюционной работы в литературе способствует повышению бдительности в среде литераторов, учит распознавать вражеские махинации и приемы, выясняет подлинное лицо бывших участников литературно-политических группировок.

В. Ставский подверг резкой и справедливой критике выступления П. Рожкова, В. Кина, И. Беспалова, А. Безыменского.

Партгруппа наметила провести совместно с секцией поэтов обсуждение творчества А. Безыменского.

В ближайшее время партгруппа обсудит деятельность бывших участников «Кузницы», которая, как указал в своей речи П. Юдин, была связана с правыми отщепенцами Рыковым и Томским, а в своей теории и практике исходила из антиленинских теорий Богданова и проповедывала по существу «рабочедельские» взгляды.

НЕ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ!

На активе Комитета по делам искусств при СНК СССР

Состоявшееся 13 июня заседание актива Комитета по делам искусств при СНК СССР было посвящено вопросам подготовки к осеннему сезону (сентябрь — декабрь 1937 г.) и празднованию двадцатой годовщины Великой Пролетарской Революции.

Но, увы, Бетховенский зал Большого театра зиял пустыми местами. Многие из тех, чье веское слово должно было прозвучать на активе, проявили к нему постыдное равнодушие. Г. Л. Рошаль усомнился даже, есть ли кворум для обсуждения всех тех вопросов, которые были поставлены, не всегда с достаточной остротой, Я. О. Боярским.

Докладчика нельзя упрекнуть в чрезмерной оптимистичности, но настоящей тревоги за судьбу октябрьских пьес и за своевременность их постановки в его выступлении не было.

Всесоюзный Комитет располагает 42 пьесами, с которыми уже знакомились периферийные театры. Но основные пьесы, призванные, что называется, определить лицо октябрьского репертуара, еще дорабатываются и перерабатываются (Вс. Иванов, Л. Сейфуллина и др.) или пишутся (Ал. Толстой и др.). На активе возникло опасение — не является ли ошибочной тенденция Комитета не допустить дублирование театрами юбилейных пьес?

Против этого возражали тт. Белиловский и Мейерхольд. Они настаивают на предоставлении каждому театру выбрать интересующую его пьесу.

Не отрицая важности работы Репертуарного сектора Комитета, т. Белиловский выразил также правильное опасение — не подменяет ли этот сектор активной роли самих театров в подготовке репертуара. Это опасение разделяет и Н. П. Охлопков.

Вс. Мейерхольд заострил в своем выступлении вопрос об отсутствии настоящего руководства эстрадой и о катастрофическом состоянии ее репертуара к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Одно из наиболее узких мест в деятельности Комитета — его издательская база. По словам т. О. Бескина, издательство «Искусство» **не в состоянии удовлетворить** огромный спрос с мест на пьесы и литературу по искусству.

Очень плохо обстоит дело с изданием юбилейных пьес.

Секретарь парткома ВКИ т. Патарая со всей резкостью требовал от актива повышения бдительности и усиления борьбы за полное очищение рядов работников искусств от вредителей. Он призывал к поднятию производственной квалификации и к овладению большевизмом.

К сожалению, т. Патарая ничего не сказал о том, как партийная организация ВКИ борется за подготовку октябрьского репертуара.

Выступивший в заседании т. П. М. Керженцев напомнил активу о ряде все еще ждущих своего разрешения задач.

МИХАЙЛОВ

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

ГОСЛИТИЗДАТ

✱ **Краткая популярная биография А. С. Пушкина,** написанная К. Берковой, выпущена издательством к 138-й годовщине со дня рождения великого поэта.

✱ **В ближайшее время поступят в продажу:** роман французского писателя Луи Гийу «Черная кровь» (перевод Ф. Шипулинского, послесловие Ив. Анисимова), роман Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен» и комедия Карло Гольдони «Самодуры» (перевод Т. Щепкиной-Куперник). Пьеса Гольдони снабжена режиссерским комментарием Ив. Резника.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

✱ **Сборники стихотворений и поэм А. Н. Плещеева, Н. Щербины и И. Мятлева** вышли в серии «Малая библиотека поэта».

✱ **«Волжский фольклор»** — выпущен в свет сборник устных поэтических произведений жителей Куйбышевского края. Составлена книга В. М. Сидельниковым и В. Ю. Крупянской. Предисловие и редакция—проф. Ю. М. Соколова.

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ ЛЕНСОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.). 25 июня** состоится **отчетно-выборное собрание Ленинградского отделения союза советских писателей.**

Собрание заслушает доклад председателя ЛенССП **Николая Тихонова** и закрытым (тайным) голосованием изберет новое правление.

Виктор Гюго и его «редактор»

Издательство «Academia» поручило мне редакцию перевода одного из лучших романов Гюго «Отверженные» для нового издания. Этот роман вышел в издательстве «Academia» в 1931 г. под редакцией А. К. Виноградова. Для сверки перевода с французским текстом Гюго я пользовался тем же французским изданием, которое находилось и в распоряжении Виноградова.

С первого же тома романа (всех томов 5), помимо встреченных мною при сличении каждой фразы русского перевода с французским текстом извращений, бессмыслиц, отсебятины (а иногда и перевода наоборот тому, что писал Гюго) меня поразило такое обстоятельство: все места французского текста, в которых Гюго говорит против бога, против религии, против монархии, против социального неравенства, в защиту революции и т. д., оказались в русском тексте выброшенными целиком и полностью. Если только одни такие пропуски собрать вместе, они составят в 5 томах целую брошюрку в добрую сотню страниц!

Чем же об'яснить такое непостижимое явление? Почему в 1931 г., в нашем СССР, оказалось невозможным критиковать бога, религию и монархию? Почему нельзя одобрительно отзываться о революции? Почему оказалось недопустимым даже мимоходом задевать неуважительно русских царей?

Ответ только один. А. К. Виноградов вовсе не редактировал перевода, а взял старый, цензурованный царской цензурой безграмотный перевод и подписал его к печати, а прошлое руководство издательства «Academia» слепо доверяло ему и не позаботилось хотя бы на выдержку проверить «работу» этого «редактора», за которую он получил несколько тысяч рублей! Самый характер отдельных извращений романа Гюго говорит о том, что такое заключение является единственным об'яснением этого беспримерного факта. Его подтверждает и очень характерная мелочь: на стр. 461 пятого тома [изд. под ред. Виноградова] проскочили такие слова: «Семь букв его имени» (Мариуса). Но по нашему правописанию «Мариус» пишется через **ШЕСТЬ** букв: без твердого знака!

Из числа **нескольких сот** извращений и пропусков—а пропуски зачастую измеряются несколькими страницами французского текста—приведу некоторые, особенно характерные.

Переведено: «Подземные ходы, практиковавшиеся в то доброе старое время, когда война была повседневным явлением»,—**вместо:** «Подземные ходы, практиковавшиеся раньше и очень помогавшие бегству монархов и принцев в то доброе старое время, когда народ «любил» своих королей».

Переведено: «До тех пор он никогда не вспоминал о боге»,—**вместо:** «он не верил в бога».

Переведено: «За это время Франция представляла отрадное зрелище для остальных народов Европы»,—**вместо:** «Свободная и могучая Франция вызывала желание подражать ей у остальных народов Европы».

Переведено: «Представители этих (монархических) партий видели в революции только противозаконность, поэтому считали себя вправе восставать против нее». **У Гюго написано:** «Старые партии являются приверженцами перехода власти «божиею милостию» по наследству и считают, что раз революция родилась из заговора, можно устраивать заговоры против революции. Это — заблуждение. Во время революции заговоры устраивают только короли, а не народ. Революция—это противоположность заговору. Революция является совершенно естественной, а потому вполне законна. Правда, примазавшиеся к ней иногда бесчестят ее, но даже забрызганная грязью она остается великой, даже запачканная кровью она живет. Революция—не дело случая, а необходимость. Революция—это возвращение от искусственного к реальному. Она существует потому, что нужно, чтобы она существовала».

Переведено: «Берегись неожиданности каждый», — **вместо:** «Революционеры не должны медлить, движение вперед не терпит отсрочек. Не будем бояться неожиданностей».

Переведено: «изощрялись в ругательствах»,—**вместо:** «проклинали бога» и т. д. и т. п.

Но самый характерный из пропусков так четко рисует политические убеждения В. Гюго и представляет его нам в таком ярком свете, что я считаю необходимым привести его почти полностью. Речь идет об отношении В. Гюго к гражданской войне. Вот что писал Гюго на стр. 526—529 французского издания романа «Отверженные» 1891 г., том 4.

«Разве нет такого положения, при котором восстание является великим долгом?

...Что такое гражданская война?... Войну нужно оценивать по ее целям. Нет ни войны между государствами, ни войны гражданской: есть только войны справедливые и несправедливые. До тех пор, пока будет заключен великий союз между всеми народами, война является только порывом, к которому прибегает будущее, чтобы заставить отойти отжившее настоящее в область истории: такая война может быть необходимой. Что можно поставить в упрек такой войне? Война позорна, и сабля превращается в кинжал убийцы только тогда, когда она направлена против права, против прогресса, против разума, против цивилизации, против правды... Деспотизм нарушает моральные границы точно так же, как чужестранное вторжение нарушает географические. Прогнать тирана или прогнать англичан—это значит в обоих случаях отвоевать свою территорию. Наступает минута, когда словесный протест уже недостаточен, после философских рассуждений приходится прибегнуть к действию. Живая сила людей осуществляет то, что разработано мыслью... Толпа охотно подчиняется руководителю, но нужно привести ее в движение, толкать, поступать с людьми сурово во имя блага их освобождения, ослепить их светом истины, направить их готовые к борьбе грозные кулаки. Нужно, чтобы они были даже потрясены для их собственного спасения,—это их разбудит. Отсюда необходимость набата и войн. Нужно, чтобы великие борцы поднялись, зажгли всю нацию своей отвагой, встряхнули все печальное человечество... Когда властелина низвергают во Франции, его падение отражается во всех странах. Восстановить социальную правду, возвратить престол свободе, установить дружбу народов со всеми народами, сделать человека полным хозяином своей личности... Восстановить во всей их полноте разум и равенство, уничтожить в зародыше всякий антагонизм, разрушить препятствия, воздвигнутые королевской властью на пути к всеобщему великому всемирному согласию, возвратить человечеству все его права, — что может быть более справедливым? А война ради этих целей разве не является самой великой? Такие войны организуют всеобщий мир. Огромная крепость предрассудков, сословных преимуществ, суеверий, лжи, вымогательства, злоупотреблений, насилий, неравенства, мрака еще высится над миром со своими башнями, построенными из ненависти. Нужно ее разрушить. Нужно уничтожить эту чудовищную громаду».

Все это целиком выброшено из русского перевода романа, а такое резкое положительное отношение В. Гюго к гражданской войне исключительно ярко характеризует его воззрения.

Гражданскую войну В. Гюго назвал самой великой и единственно справедливой. Конечно, царская цензура не могла потерпеть таких высказываний. И совершенно чудовищным является тот факт, что благодаря таким «редакторам», как А. К. Виноградов, в русском переводе до сих пор не было **ни одного** полного издания его сочинений.

«Редактор» Виноградов упустил из вида, что его «работа», за которую уплачено ему несколько тысяч рублей, предусмотрена соответственными статьями нашего Уголовного кодекса. Никак нельзя согласиться с тем, что простое начертание своей фамилии должно оплачиваться из средств государства по тысяче рублей за каждую букву.

Д. СВЕРЧК

Уполном. Главлита В—29603. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.